

Светлана Орехова

КОЛУМБ В КОСМОСЕ

Вместо Америки к Тау Кита

Светлана Орехова
Колумб в космосе

«Издательские решения»

Орехова С.

Колумб в космосе / С. Орехова — «Издательские решения»,

Экспедицию к Тау Кита возглавляет лучший капитан. И когда его просят спасти корабль, застрявший на другой планете, он не имеет права отказать. Экипаж бросается на выручку, но спасение оборачивается катастрофой. Предательство? Случайность? Много вопросов остаётся без ответа. Но есть один, кто всё помнит. И он вынуждает отправить к планете вторую экспедицию под начальством юной дочери капитана. Вместе с рядовым баллистиком ей предстоит раскрыть все тайны первого полёта и оправдать имя своего отца.

© Орехова С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	36
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Колумб в космосе
Вместо Америки к Тау Кита
Светлана Орехова

© Светлана Орехова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Капитан Колумб

Под властью безграничного чёрного неба всегда кажется, что мы свободны. Но когда опускаешь руку на панель управления, понимаешь, что скован тем, что было призвано тебя освободить

Корабль готовился к взлету.

Вся команда была давно проинструктирована, ознакомлена с любой возможной опасностью, которая только может поджидать в космосе. Любая аварийная ситуация – всё было детально отработано. В эту экспедицию отбирали элиту из элиты; несколько недель подряд на непосильных тренировках выковывались стальной характер и холодный рассудок членов команды. И сейчас они – двенадцать человек – все как один первоклассные специалисты в своей области, шеренгой стояли перед капитаном.

На корабле остальной состав в последний раз проверяет все системы движениями, которые уже ничем не выбить из памяти, настолько приблизились люди к машинам. Сколько их там?.. Не больше, чем экипаж подлодки, не больше, чем требуется сейчас для обслуживания средней атомной станции, находишься она хоть за полярным кругом. У них на корабле своя станция, свой реактор, свои сплетения технических коридоров и тысячи километров системы снабжения, но всё это так далеко от первых полётов, так далеко от того, что люди когда-то считали пиком развития технологии. Человек и машина составляют прочный союз уже второй десяток лет, достижения прогресса во всех областях техники теперь позволяют забрасывать корабли в такие отдалённые участки Пространства, куда и представить-то не всякий сможет.

Пока идёт эта своеобразная игра кнопок и рычагов, задвижек и насосов, пока в каждом коридоре и отсеке раздаются уже привычные всем гулкие механические голоса системы оповещения и мигают сигнальные дорожки, снаружи готовят к запуску двигателя. Заправляют баки с жидким азотом для создания сверхпроводимости и топливо для питания сердца корабля. Стабилизируют ядро реактора, накачивают энергию для удержания плазмы. В системах энергоснабжения закипает жизнь: по толстым изолированным венам-кабелям с невероятной скоростью несётся к магнитам ток, наполняя технические коридоры приятным едва уловимым рокотом, нарастающим гулом вливается в мелодию тестовый запуск боковых верньерных, прочистка сопел вакуумных тягачей, в довершение вступают басы двух главных исполинов, которым спустя минуты предстоит поднять в воздух многотонную тушу корабля. Что и говорить о всех тонкостях, последних поднастройках и отчётах автоматики... Всего не перечислишь – список будет больше, чем их путешествие – планетарная система Тау Кита: бледная, слабая звезда поменьше их Солнца. Всего каких-то двенадцать световых лет, пустяк! В квантово-реактивном прыжке они преодолеют это чудовищное расстояние за пять месяцев.

Пять месяцев туда, пять обратно, еще месяц на сбор данных, изучение третьей по счёту планеты, откуда им ответили ультракоротким сигналом; и, наконец, исходя из расчёта со всеми задержками, чуть больше чем через год они снова будут дома. Под Рождество тридцать три человека, а именно столько учёных будет неустанно трудиться на благо человечества, ступят вновь на твёрдую землю, на белое покрывало зимы и дадут торжественный рапорт о своих исследованиях.

Двенадцать, один, тридцать три... символично. Быть может и сама их миссия доверена символам? Чёртов командующий, помешанный на числах и религии!

Капитан задумался о чём-то своем, стоя неподвижно перед этой шеренгой двенадцати апостолов человечества. Вдруг мягкий, но настойчивый голос вернул на землю, на эту идеально чистую, промытую дождем блестящую площадку космодрома.

– Сергей Павлович, пора уже, – в третий раз позвала Таня, их радистка (весь полет ей предстоит провести у пульта; многие могут считать это неблагодарным делом, но это одна из самых безопасных работ, пока экипаж находится на корабле, и к тому же одна из важнейших).

– Конечно, Танечка, – отчего-то по-дружески сказал мужчина и сделал знак группе.

Шеренга, словно ждавшая этого, повернулась и спешно пошла к кораблю не нарушая строя. На их лицах, однако, скользили улыбки предвкушения: еще бы! Никто так далеко не перемещался в Пространстве – они будут первыми.

Свежий воздух после хорошенькой грозы пах озоном, всё сделалось невообразимо чётким – атмосфера, как начищенное стекло. В трёхстах метрах от них блеснул новенький красавец Буран-7. Это была усовершенствованная модель, намного превосходящая во всем своего далекого предка – каравелла космоса! Она нетерпеливо поблескивала идеально гладкой отражающей лучи титановой сталью корпуса, холодной, как альпийский снег или самый из тёплых дней на Луне.

Антианнигиляционные щиты, украшавшие корабль по периметру, ещё безмолвствовали, опустив свои головы; но как только он подойдёт к «горизонту» туннеля не будет вещи надёжней, чем защитное поле и антианнигиляционный щит!

Никто не знал, с чем придется столкнуться экипажу: это была первая столь дальняя экспедиция на корабле класса 7, первый столь длительный прыжок сквозь Пространство. Это было как заново открывать Америку, только в космическом масштабе. И не нашли для корабля имени лучше, чем «Колумб». Ведь экипаж, бросался в неизвестность, как когда-то великий мореплаватель отправлялся в далекое плавание, но масштабы путешествий конечно были не соизмеримы. Если открывателю Америки нужно было опасаться шторма, штиля или нравов диких племен, то здесь люди не знали, насколько далеко от места назначения их выбросят из туннеля и выбросят ли вообще, потому что никто не брался сказать, каков предельный радиус работы их метода перемещения, насколько безопасным будет этот перелет для их психики. Но эта непреодолимая, невероятно опасная романтика сумрачного космоса толкала их на столь отчаянный шаг. Они были готовы погибнуть от чудовищной силы вышедшего из под контроля реактора, быть сожженными энергией стремительно несущего их вперёд Пространства, но при этом в последний миг своей короткой жизни увидеть что-то прекрасное и вечное... космос...

Сейчас всех кроме капитана занимали подобные героические мысли. В голове же Сергея Павловича совсем не к месту крутилось: «Она не пришла... всегда приходила, на каждый старт. С уроков сбегала, но приходила. Что же?... Неужели заболела?!»

Прозвучала сирена, двенадцать апостолов скрылись вместе с капитаном внутри округлой приплюснутой треугольной таблетки, вогнутой у центра, с двумя плазменными двигателями повышенной тяги сзади. Наверное именно так и только так можно было описать идеально обтекаемое потоками космических частиц тело Бурана-7, флагманского космического корабля для сверхдальних перелётов.

– А если не заболела, то что же? – не переставал думать капитан, оказавшись каким-то образом уже на своем мостике лицом к команде. – Что же? Уж не обиделась ли?

Это было непростительным ребячеством, с его-то стажем, на старте, готовясь воодушевить Сынов Земли на подвиг, думать о постороннем, пусть даже и личном, но сомнения были сильнее его стажа. Они играли со временем, неслись по коридорам и снова предательски занимали место на капитанском мостике, затаившись среди системы приборных панелей, в самом дальнем углу. И как только наваждение отступило, капитан заговорил своим твёрдым привычным громким голосом, речь его заполняла всё существо Бурана.

Его пальцы легли на виртуальные клавиши, словно это было огромное пианино, и быстро ввели комбинации. Все люки герметично закрылись, щелкнули вакуумные замки. Баки с азо-

том приготовили, подсоединили клапаны к токопроводящим жилам внешнего корпуса. Загудели сопла, «Колумб» на вертикальных электрических двигателях стал лениво подниматься в воздух. Команда за командой – он был послушнее дрессированного пса, мягко стелился перед хозяином, лениво повиливая на сильном ветре, но качки не чувствовалось. Его движения были тщательно вымерены автоматикой, а его «поступь» была неслышна; несмотря на такой вес и тягу двигателей, о том, что корабль взлетает, можно было догадаться только по зоне давления, образовавшейся от работы двигателей.

Полёты уже давно перестали быть чем-то поражающим органы слуха в прямом и прочих смыслах: уже с третьего поколения знаменитых беспилотников взлеты стали относительно бесшумными. Именно тогда стали применять реакторы термоядерного синтеза на борту (что облегчило вес по сравнению с химическим топливом, но увеличило степень опасности). Этот скачок в развитии ракетостроения кардинально изменил и сам принцип полёта: теперь он уже не сводился к механическому перемещению по траектории среди космических тел, сначала перемещение осуществлялось на «среднесветовой» скорости, что позволяло избегать гравитационного отклонения вблизи крупных тел и прокладывать кратчайший прямой курс, но дальше стало ещё фантастичнее – линию стали прокладывать напрямую, исчезая из одной локальности и появляясь в другой. Через Пространство переносились не физически, а как тензорные частицы (соединив математические векторные преобразования между системами и особый класс частиц, получили, ну если не магию, то точно фантастическую науку), сложная запутанная система, которая воссоздавала себя на выходе. Для перемещения было достаточно задавать два вида координат: свои настоящие и конечную точку, а также «информацию своего присутствия». Специальная программа просчитывала энергетическое состояние объекта и данные переправлялись по туннелю до точки выхода в виде связанной информации. Перемещение её осуществлялось быстрее, чем материи, пусть даже и элементарной. В силу каких причин – до сих пор не выяснено ни одним учёным, но факт остаётся фактом, информация позволяет рождать всё из ничего. А ведь именно так долгое время ознаменовывали космос – пустота, ничего, редкое скопище атомов водорода, случайным образом разбросанных в разреженном вакууме. Но такой картина была лишь на доступном большинству приборов уровне, на самом же деле вакуум далеко не так пуст, и его особая консистенция в сумме с энергией термоядерного реактора позволяла создавать туннель для перехода. Собственно говоря это даже был не совсем туннель, а канал переноса элементарной материи и информации, который тут же исчезал за ней. Можно считать корабль и информацию первопричиной и основополагающим фактором, а не мистическую способность космоса растягиваться как резина или соединяться слоями, именуемыми в науке струнами или бранами.

Если рассматривать примитивно, то всё выглядело так: корабль нырял в канал для перемещения, защищённый защитным полем, чтобы миновать особую область, «горизонт», представляющую опасность нарушения равновесия материи; после прохождения «горизонта» он тут же преобразовывался в единственно допустимую элементарную материю для переноса, проносился светостремительно через туннель и собирался на выходе по программе – информации, ожидающей своего материального напарника на другой стороне. Члены экипажа, корабль и любая записанная с ним информация воссоздавались буквально из пепла, это было сравнимо со смертью и возрождением только одной памятью о твоём существовании.

Не спорю, это выглядит романтично и напыщенно для космических перемещений: здесь нет мужской силы, простоты перемещения по пространству, почти не имеющему трения, здесь нет того, что привыкли ожидать от ракет, того, что было стереотипом в головах многих... Но разве космос всегда был таким, как его представляли люди, разве они создавали космос своими представлениями о нём?.. Скорее космос диктовал свои условия. И чтобы перемещаться по его просторам, пришлось почти что заключить сделку с дьяволом, и единственное, что пока не удалось свести к минимуму – это даже не запасы топлива, а время. Да, какое-то

время путешествие занимало даже при таком варианте развития событий, но члены экипажа этого не замечали: для них квантово-реактивный прыжок проходил как сон – заснул на входе, проснулся на выходе.

Но всё же это отступление: сейчас корабль только лениво поднимался на электрической тяге в сопровождении миниатюрных в сравнении с ним балерин-истребителей следящего назначения и застыл метрах в трёхстах над поверхностью космодрома, регулируя своё положение верньерными двигателями. Уже запустили реакторы, подали напряжение на установки, чтобы создать достаточные по величине воздействия магнитные ловушки в тороидах ускорителей. Токамаки приготовились сжать в своих тисках перегретую плазму, чтобы забросить «Колумб» далеко в Пространство.

Тут в динамике послышался голос первого пилота:

– Сергей Павлович, к полету готовы!

Капитан резко мотнул головой, словно просыпаясь, взял себя в руки и скомандовал:

– Переход на околоземную орбиту разрешаю, начать разгон. Совершить прыжок в окололунном пространстве в заданных координатах.

– Слушаюсь, Сергей Павлович.

Корабль приятно загудел и поднялся на высоту нескольких километров рывком, словно играя в салочки с невидимым оппонентом. Кортёж истребителей быстро набрал высоту, стараясь попеть за кораблём. В их задачу входило обезопасить Буран от любого вида помех в нижних слоях атмосферы, чтобы корабль мог спокойно покинуть её пределы. Такими помехами могли служить случайные птицы, погодные условия или, что почти исключено, неотмеченные рейсы. Конечно не заметить такую махину как Буран-7 было невозможно, но главную опасность представлял, как раз он со своими электрическими двигателями и большим электромагнитным воздействием на окружающее пространство. Поэтому даже кортеж подготовленных истребителей держался от корабля на приличном расстоянии.

Сегодня ничто не мешало взлёту, даже гроза, которая прошла над космодромом незадолго до старта, сейчас стушевалась в присутствии исполина. Атмосферное электричество было в норме и не влияло на корпус, давление и потоки воздуха также соответствовали старту. Траектория для выхода на орбиту уже появилась на экранах. Из сопел двигателей вырвались снопы заряженных частиц, сильно ионизируя воздух вокруг и наполняя его приятным электрическим треском, который никто из членов команды конечно же не мог слышать.

Сопроводительные аппараты, следящие за «воздушным коридором» для судна такого огромного измещения, как Буран-7, отошли на безопасное расстояние и затерялись где-то внизу: на высоте десяти тысяч кораблю уже ничего не угрожало, его курс был чист, а мощная отдача при старте могла повредить двигатели сопроводительного кортежа.

Убедившись, что вокруг только воздух, «Колумб» рванул с места, оставив за собой красивый сверкающий след. С космодрома его провожали без опасений: на счету класса 7 не было ещё ни одного отказа, ни одной неполадки, хоть и летали они пока лишь в пределах Солнечной системы и пару раз в соседнее звёздное пространство.

Корабль, как и положено, резко набрал скорость и исчез из поля зрения, словно на небосклоне засветилось второе Солнце. Оставляя за собой Землю, «Колумб» спешил к Луне, за секунды перешёл на вторую, а затем и третью космическую скорость. Спустя полчаса он был уже у Луны. Плазменные двигатели работали отменно, толкая свое блестящее идеально отражающее свет тело вперёд.

Координаторы ещё раз просчитали курс и энергию прыжка, вывели данные на монитор капитана.

– Виктор! – крикнул в микрофон начальника энергетического отдела Сергей Павлович. – Что там с реактором? Мы готовы к прыжку?

– Плазма стабилизирована, иначе бы мы ещё топтались в околоземном пространстве, – позволил себе шутку начальник, – моделируем силовой защитный экран. Программа сейчас начнёт всех просчитывать, оставайтесь на местах. Включаю аннигиляционную защиту... Готовность к квантовому переходу две минуты... минута пятьдесят... Компьютер механически продолжил отсчёт.

– Всем занять свои позиции! – раздался по кораблю чёткий голос капитана, – готовность к прыжку десять минут, пристегнуть ремни! Остаться на местах!

И он тут же связался с первым пилотом, отдавая команду на последнее выравнивание. Опустив пальцы на панель, Сергей Павлович ввел комбинацию для подтверждения поднятия защитных щитов, сыграл завершительный аккорд и покорно замер, позволяя автоматике довершить дело.

«Колумб» резко повернул влево, оцетинился экранами аннигиляционной защиты, выровнялся по курсу и отключил плазменные двигатели, оставшись на инерционном ходу. На миг наступила тишина. А потом, словно взрыв сверхновой: корабль весь завибрировал, проваливаясь в чёрный свод образующегося туннеля, контуры «Колумба» стали расплываться. Это было похоже на падение в чёрную дыру, и если бы не защитные экраны и созданное поле – их расщепило бы после «горизонта» и расшвыряло по всей Вселенной. Но... «Колумб» исчез во вспышке света и пропал в туннеле. Теперь он в виде элементарной материи понёсся навстречу загадочной Тау Кита.

Если очень повезёт, то их даже выбросит в пограничном районе Денеба Кайтеса, и они, не подвергаясь сильному давлению звёзды, свободно вырвутся на плазменных двигателях к такой желанной планетарной системе. Там до неё рукой подать – неделя, две.

Глава 2

Лиловая планета

*Лиловое море, ванильные облака, голубая трава – фантазия
не знает границ, когда думаешь о другой планете.
Но лишь побывав на ней можно утверждать, что это не сказка*

Прошло пять земных месяцев, за которые было преодолено расстояние в одиннадцать световых лет, корабль класса 7 «Колумб» выбросило из туннеля куда дальше расчётных координат, но тем лучше: теперь Денеб Кайтес вообще не составлял никакой помехи. Согласно закону действия гравитации, теперь только Тау Кита действовала на корабль, притягивая с окраин своих владений судно, что позволяло сэкономить топливо и время. Экспедиция была распланирована по часам, теперь же они могли позволить себе лишний день или лишний облёт вокруг планеты, посещение спутника или другого уголка системы, возможно даже лишний груз. Но это было как капля химического топлива в полный бак, поэтому капитан выбрал время.

Корабль вынырнул из туннеля уже «эффективной материей», реальной массой с реальным весом. Информация на выходе создала подобие вязкого желе, не реального желе естественно, а энергетическую заслонку. Как только материя достигла конечного преобразования, при прохождении этой заслонки тензорные частицы возбудили информационное поле, и атомы встали на те места, на которых находились до начала прыжка. По протончику, по малейшей частице, за время, не доступное ни одной из когда либо существующих камер замедленной съёмки, они воссоздали сначала атомный порядок, затем атомы сцепились в молекулы, и так, пока не появилось то, что мы обычно называем «металлом», «кожей», «пластиком». Корабль материализовался посреди темноты космоса и поплыл вперёд под действием инерции, очерченный по контуру светом далёких звезд. В какой-то момент сзади замерцали плазменные двигатели, произошла короткая продувка, стабилизировалось давление, и через пять минут «Колумб» уже набирал свою крейсерскую скорость.

Таня открыла глаза, вновь услышав окружающий мир и отрапортовала капитану о координатах, возникнувших в следующее мгновение на экране. Она отчего-то всегда закрывала при квантово-реактивных прыжках, коих на счету у юной радистки было уже семь, считая этот. Такая странность объяснялась детским страхом ослепнуть: раньше Таня носила очки, но современная медицина исправила единственный недостаток, мешающий летать в качестве радистки на судах класса 7.

– Капитан экипажу, – раздалось во всех динамиках спустя десять минут, – прыжок совершён успешно. Мы вышли на галактические координаты два часа, двенадцать минут, сорок три и три сотых секунды... Повторяю, два часа, двенадцать минут, сорок три и три сотых секунды. Притяжение звёзд незначительно. Прибытие в систему Тау Кита через неделю. График обычный. Желаю приятного полета.

Голос Сергея Павловича смолк. Экипаж вернулся к своим делам, а капитан обратился к энергетическому отделу за подробным отчетом.

Вдруг раздался лёгкий, но вполне ощутимый толчок – это вновь заработали плазменные двигатели; «Колумб» серебристой светящейся чертой полетел по курсу. Антианнигиляционные экраны всё так же подняты. Они брали немного энергии, а эта часть Пространства всё же мало известна.

Танечка легонько вздохнула и подошла к большому иллюминатору в десять этажей высотой – обзорное окно, которое было видно из любой точки главного зала. Члены команды давно не обращали внимания на иллюминатор: ну был он и был, картина снаружи вполне типична.

Некоторые разве что изредка косились на «широкое окно», отрывая взгляд от панелей и экранов, чтобы снять напряжение с глаз. Иллюминатор представлял интерес только внутри звездных систем, при посадке или когда впереди появлялась туманность, сейчас там ничего не было, только темнота космоса. Ближайшие шесть дней вид будет одинаковым, разве что полосы звезд будут перемещаться, пропадать и появляться снова, гипнотизируя взгляд цветной вермишелью спектральных искажений.

Они летели на большой скорости, не меньше третьей космической. Экраны снаружи отфильтровывали губительное излучение, изменяя цвета, да и сами слои бронированного, «копченого» оксидом цинка толстого кремниевого стекла причудливо искажали вид. Поверхность стекла была немного прохладной на ощупь, следы пальцев отражались на месте прикосновения, но тут же исчезали. Таня прислонила ладонь к иллюминатору и попыталась сосредоточиться на звездах. Первые пару минут глаз ещё сражался с переменной картинкой, но после всё начинало мелькать. Девушка зажмурилась и отвела взгляд, осмотрев зал. Вскоре искры пропали, и она сосредоточилась на образе капитана: Сергей Павлович был прирожденный капитан, статный, плечистый, с огнём в глазах, ничто в нём не выдавало истинного возраста, разве что морщинки в уголках глаз.

Капитан оглянулся и едва заметно кивнул ей, с тенью улыбки на лице. Видимо отчёт команды его вполне устраивал. Девушка вздохнула и вернулась на рабочее место. Она надела гарнитуру, поправила микрофон и положила пальцы на сенсорную панель, тем самым активируя её. Перед глазами появилась трёхмерная картинка, сбоку потекла струйка цифр. Татьяна ввела координаты, откуда поступил сигнал на Землю, и стала устанавливать связь с хозяевами системы Тау Кита.

Прошёл назначенный срок, «Колумб» влетел в систему бледной звезды. Последние несколько дней они постепенно сбрасывали скорость, чтобы не промахнуться. И вот притяжение загадочной Тау Кита овладело кораблем, стало притягивать его, как мощный магнит. «Колумб» слегка сопротивлялся, помахивая изредка верньерными двигателями, но сила водородно-гелиевого паука была невероятна: космическая бабочка попала в его паутину.

Что ожидали увидеть члены круга двенадцати? Они научили себя не удивляться, не превосходить. Это только первое путешествие на ближайшую Альфа Центавра и первое испытание прыжка вселило в них дикий восторг, взбудоражило человеческую фантазию относительно безграничных просторов космоса. А сейчас что? Ожидать зелёных человечков с огромными головами, как говорили раньше о представителях других планет, было глупо. Они направлялись в планетарную систему, где состав элементов идеально схож с их системой. Отсюда пришёл сигнал, который они смогли расшифровать. Значит ожидать стоит образа и подобия. Да, безусловно, различия во внешнем виде и моральных устоях будут, но зелёные человечки?.. Уж увольте!

Ученых куда больше интересовали геолого-экологические и энергетические отличия планеты и системы в целом. Для этого они и прилетели. Земле пока что не грозила экологическая катастрофа – социалистическая политика и активные исследования полимеров предотвратили парниковую катастрофу, а разработки в области электромагнитных полей и исследование собственного гравитационного потенциала планеты избавили растущее население от углеводородного голодания. Сейчас Земля, это прожитый рубеж, стабильная, но устаревшая модель, пришло время колоний. Здесь бы пригодился опыт другой цивилизации: не исключено, что какой-нибудь из спутников преподнесёт колонизаторам сюрприз в виде двойного тяготения или обогащённой кислородом гидросферы. А может быть приобретённый опыт позволит удешевить добычу полезных ископаемых или топлива.

Сейчас присутствующие в зале всё чаще стали бросать взгляд в сторону иллюминатора. И вот уже в нём показался краешек планеты. Таня сейчас сидела на месте, связывалась с жителями этого лилового чуда, чтобы получить разрешение на посадку и сверяла показатели пла-

неты с земными, моделируя отчёт. Поэтому планету она увидела рывком, среди мелькающих перед глазами строчек, та только на миг блеснула в свете своей бледной звезды.

А капитан, Сергей Павлович Колумб, вот кто мог полюбоваться планетой во всей красе. Он стоял на своём мостике, заложив руки за спину и спокойно лицезрел происходящее в десятиэтажный «монитор», попеременно получая успешные рапорты из энергетического отдела и лично от первого пилота. Но красота другой солнечной системы не занимала: его мысли почему-то предательски думали о Земле. «Жаль, что Тошка не видит, – говорили они, – и ты даже не попрощался с ней. Не заехал... Ты был занят?» Эта насмешка собственного мозга капитана немного взбесила. Он приказал себе не думать и вызвал по связи первого пилота.

– Приземлимся через полчаса, – торопливо ответил мужчина, ловко управляясь с нежными верньерными. – притяжение несколько слабее, чем наше. Но незначительно. Посадка будет мягкой! А что говорят снизу? (он шутливо назвал своё место приземления «снизу»)

– Татьяна! – тут же крикнул Сергей Павлович. – Что говорят?!

– Они выслали координаты, – отрапортовала девушка, разбирая ворохи цифр и знаков. – ...3,9... 4...7,1... нет, 71 – широта... Быть может у них зимы не бывает?

– Скоро узнаем, – улыбнулся капитан, – может у них лето, как наша зима.

«Колумб» стал снижаться. Включились электрические двигатели на брюхе судна, они создали своего рода магнитную подушку, и корабль плавно опускался на поверхность планеты. Плазменные двигатели уже «остужали», теперь они заработают только спустя месяц, когда корабль отправится в обратный путь. Реактор тоже медленно переходил в номинальный нерабочий режим, угольные стержни и сопротивление, реверсировавшее полюса мощного поля токамаков, сделали свое дело: «Колумб» по-своему заснул.

Экипаж, точнее те, кто не был обязан участвовать в посадке корабля, а именно учёные и врачи, высыпали в главный зал и прильнули к иллюминатору, который снова вызывал интерес. Сейчас в него приближалась на них поверхность лиловой планеты, которая оказалась на удивление похожа на Землю: каменистая почва, странные, придающие планете цвет лиловые моря, горы со снегом как на Земле (чем ниже корабль опускался, тем реальнее становились цвета, искажаемые ультрафиолетовыми защитными фильтрами). На мгновение даже могло показаться, что под кораблём протянулись Гималаи, а атмосфера, совсем как земная, усыпана периной облаков. Похоже и климаты двух далёких планет были схожи, но самым главным подарком была схожая атмосфера! Анализаторами тут же выявили её состав: тридцать пять процентов кислорода, стандартный состав азота и инертных газов, двуокись углерода почти отсутствовала (видимо климат регулировался каким-то другим природным механизмом, потому что массивных обледенений обнаружено не было, хотя на Земле бы при отсутствии парникового газа наступил ледниковый период). Это означало, что воздух здесь чище и насыщеннее, чем в Альпах, чем на Эвересте! Они никогда не вдыхали такого чистого приятного воздуха, поэтому экипаж получил предостережение первое время не перенапрягаться, чтобы не потерять сознание от «идеальности» лиловой планеты.

– Татьяна, – спокойно, даже умиротворённо произнес капитан, – спросите, как они называют свою планету. Как нам обращаться к ним? Дешифратором? Их двоичные коды схожи с нашими?

– Не совсем, – не скоро ответила девушка, перебирая пальцами по виртуальным клавишам. – Система чисел одна и та же, но нашего языка они конечно же не знают, ни одного из наших диалектов. Они вообще общаются числами! Это... я не совсем поняла, это похоже на общение машины с машиной, они передают ультракороткие волны... друг другу?..

На лице девушки читалось изумление. Пощадив её самолюбие, Сергей Павлович с улыбкой ответил: «Вы разберётесь, не торопите время. Лучше предупредите электронный отдел, чтобы снабдили учёных переговорными блоками с большим объёмом памяти». Таня кивнула, поднесла ко рту микрофон и тихо заговорила в него. На другом конце группа людей уже стала

распаковывать коробки с переговорными блоками – своего рода миниатюрными компьютерами, переводящими язык людей на машинный язык и обратно, хотя обратно было куда сложнее – им приходилось, используя все известные языки подбирать аналоги из человеческого словаря. Иногда получалась полная бессмыслица, но все члены экспедиции надеялись, что простых слов и предложений хватит.

Стоит вернуться к планете – она предвосхитила все их ожидания. Несмотря на то, что учёные давно привыкли к неожиданностям, они всё же смотрели на пейзаж за толстым стеклом иллюминатора с жадным нетерпением. Корабль вошёл в средние слои атмосферы, и вокруг зароилась непонятная бежево-розовая пыль или туман – не понятно. Это их облака, догадались учёные, заноса пометки в личные дневники, с повышенным содержанием окислов силикатов, уже интересно. Пыль врезалась в корабль и рассекалась потоками воздуха вдоль корпуса. Сначала даже испугались, что она может повредить двигатели, потому что концентрация облачности была колоссальной, почти как на Венере, но вскоре стало ясно, что облака состоят из кристаллизованной взвеси, где силикаты сморожены. На такой высоте температура была низкой, верхние ряды облаков были плотными, почти безводными и не циркулировали по вертикали, а перемещались в основном только на своей высоте – они-то и выполняли роль теплоудерживающего фильтра. А непрерывное перемещение делало климат планеты почти однородным, по крайней мере за время спуска не было обнаружено ни ледников, ни пустынь.

Ниже картина менялась, но состав облаков оставался таким же, за исключением – появлялось больше воды. Эти облака, тяжелее, чем верхнее, совершали нормальный процесс циркуляции, участвуя в водном круговороте. Они были более рыхлые, а цвет имели более насыщенный розовый (это от кристаллов и капелек воды отражалось море). Как только облака разошлись, стало видно море. У них розовые облака, лиловое море – это похоже на сказку о пряничном домике!

Меж тем корабль уже пересёк береговую линию, и взорам собравшихся предстала равнина, окаймлённая кругом извивающихся высоких деревьев с синеватой корой и раскидистыми синевато-зелёными кронами. Трава, да, у них была и трава, и тоже зелёная, как на Земле; кое-где из неё проглядывали сиреневато-серые камни. Это был весь пейзаж неизведанной планеты, нигде вплоть до горизонта не наблюдалось признаков цивилизации. А они летели не сбавляя скорости, потому что не получили более чётких указаний.

Первый пилот сверился с только что полученными координатами – они что должны садиться в траву? Но тут он увидел впереди что-то блестящее, вытянутое в длину, как бы отрывающееся от поверхности и стрелой уходящее вверх. Посадочная площадка! Довольно странная, больше похожа на лыжный трап, но сесть можно. Что и сделал «Колумб», круто развернувшись по ходу движения. Благодаря мастерству Вениамина, он с первой попытки вписался в траекторию полосы и опустился на её поверхность.

– Подайте изображение на экраны! – приказал капитан, склоняясь над мониторами, пока его детище с лёгким гулом опускалось на трап.

На мониторах появилась картинка внешнего мира. Полоса выглядела надёжной, но тип материала определить не удалось: она походила на блестящий пластик или кристаллизованную полупрозрачную породу. Стало даже интересно – выплавляли её прямо здесь или где-то в горных рудниках. Довольно протяжённая трасса, для её транспортировки понадобилось бы сил как для воздвижения пирамиды.

Из-под полосы неожиданно вытянулись блестящие металлические захваты и легли на верх корпуса корабля, прочно зафиксировав его. Щёлкнули замки. Это произошло так быстро, что «Колумб» не смог бы даже успеть запустить двигатель, не то что взлететь. Захваты оказались подвижными, словно были сделаны не из металла, а из мягкого податливого материала, резины например или пластмассы. Им крупно повезло, что размеры Бурана-7 похоже

соответствовали размерам инопланетных кораблей, иначе «Колумб» могли повредить выдвинувшиеся автоматически захваты.

Все на корабле хранили молчание. Сергей Павлович только хмурил лоб, поглядывая на экраны. Их что не ждали? Такого не может быть – они же сообщили свои координаты, вышли на связь, они не могли их не ждать! Что же тогда?

У него в голове тяжело проползла мысль о том, что их ждали, но с другой целью. Эта мысль наверно появилась сейчас в головах многих. Но он, как капитан, был обязан не допустить паники своего экипажа. Это было тяжело, потому что сердце капитана так и не отпустили земные переживания.

Вдруг небо пронзила вспышка – к взлетно-посадочной полосе пулей приближалась серебристая капля с сильно оттянутыми назад хвостами. За ней последовали ещё три. Все они полетели к углублениям сбоку полосы и плавно спикировали в них. На корабле с замиранием сердца ждали. Таня, сама того не замечая, нервно выстукивала пальцами на столе вопросы. Ей казалось, что она задает вопросы существам в тех капсулах, и вдруг процессор загудел, на виртуальном экране замелькали числа, затем они преобразовались в слова и глухой шелестящий голос динамика произнёс: «Система соответствует вашим жизненным показателям: давление, состав воздуха... – тут компьютер замолк на секунду и продолжил, – гравитационно-магнитные показатели соответствуют на...»

На экране на мгновение высветилось 90. Компьютер не мог перевести цифры на их язык.

Вновь выждав паузу, он продолжил: «Выходите, мы проводим вас в город». Это звучало конечно не как ультиматум, но довольно резко. Колумб не знал, что делать: он был не готов к такой решительности хозяев. Хотя, с другой стороны – что они теряют? Они же прилетели сюда, как исследователи, так пусть же исследуют. В конце концов эти оковы на их корабле могут быть всего лишь средством защиты: вполне возможно, что на планете бывают бури (но никому и в голову не пришло, что эти самые оковы служат хозяевам отправной точкой при взлёте, потому что их корабли отличались от земного).

Капитан сказал Танечке, чтобы перевела гостям пару фраз, потом велел членам общества двенадцати (а штатным учёным не разрешили покидать корабль до выяснения всех обстоятельств) спуститься, взять переговорные блоки и выйти к главному шлюзу.

– Вы желаете взять оружие, – робко осведомилась Татьяна, зная, что вопрос не очень корректен.

– Нет, – твёрдо, но не отчитываясь, ответил Сергей Павлович, – мы не завоеватели. А сегодня мы вообще гости. Всем придерживаться плана.

Их встретили радушно, если конечно понятие радушности было в сознании хозяев, достигавших двух-трёх метров в росте.

Они, как и предсказывалось, оказались удивительно похожи на людей: те же пропорции, только более вытянутые; узкие угловатые лица, прямые греческие носы с аккуратными ноздрями, округлые влажные глаза сиреневатого цвета; сама их кожа была какой-то бледно голубой, а у некоторых отдавала в сиренево-бежевый. Похоже всё на этой планете отдавало в сиреневый, синий и лиловый.

– Приятная планета, – подумал капитан, оглядываясь, – так ли приятны её хозяева?

Сергей Павлович, уже не молодой, сорокасемилетний капитан – выдержка будет лучше чем у любого вина. Он летал с самой юности: сначала помощником управляющего реакторами (тогда ещё летали на кораблях класса Буран-4, Буран-5, ни о каких прыжках сквозь Пространство и речи быть не могло!), он болтался в рейсах по всей Солнечной системе, вскоре был повышен до пилота, но поуправлять так и не довелось. Он только и делал, что сидел, сверял курс и смотрел, как искажаются звёздные следы при разгоне и торможении. В то время ещё летали физическим способом, хоть и быстро, измеряя расстояние парсеками, световыми годами. Капитаном тогда тридцатилетнего Сергея сделал весьма плачевный случай:

они попали в катастрофу, незамеченная навигаторами магнитная аномалия тёмной материи стала заглатывать корабль. Сергей имел отменное здоровье, поэтому, почти не обращая внимания на невыносимейшую головную боль, сумел вопреки всем законам гравитации посадить корабль на астероид, подорвав при этом один из двигателей. Спасательный легкоходный челнок прибыл только спустя неделю, когда они поравнялись с орбитой Нептуна.

Именно с этого плачевного момента началась новая история полёта. Изобрели совершенно фантастический способ перемещения в Пространстве – квантово-реактивный прыжок! Это стало возможным благодаря изучению физики высоких энергий и информационных полей, поведения векторных и тензорных частиц и изучения их матриц преобразования. И результат был настолько поражающим человеческую психику, что первое время лётчики просто отказывались лететь на новых моделях, они не могли представить себе расщепление и сборку в рамках живого существа: переход через туннель казался смертью. Как можно было собрать заново человека по кваркам! до того же уровня молекулярного уровня! Многие из лётчиков были не то чтобы глубоко, но верующими, и сам процесс сборки собственного тела казался им невозможным; какое же место тогда отводилось душе, если физика позволяла такие чудовищные эксперименты. Все были поражены и сбиты с толку, все, кроме Сергея. Он обладал бесстрашием, которому позавидовали бы спартанцы и силой, которая не снилась и нейтронным звёздам. Он один совершил первый прыжок, так как был знаком с автоматикой и реакторами. На маленьком, управляемом компьютером узконосом вытянутом конусе с одним рабочим реактором малой силы он за час проскочил всю Солнечную систему, когда на старой модели на это понадобилось бы несколько недель, не менее.

Его транспорт был увешан датчиками и камерами на отсоединяющихся мини зондах, основной целью которых было детально описать процесс перемещения. Здесь было всё возможное оборудование: рентгеновские, гамма-камеры, инфракрасные датчики, визоры, счётчики радиации. Съёмка велась по открытому каналу, все данные и изображения тут же поступали на пост в Королёве с дублированием еще на десять независимых международных центров.

Вот наступила тревожная минута молчания, Сергей выключил двигатель, запустил программу оцифровки своего энергетического состояния и глубоко вдохнул. Система была не идеальна: все приборы погасли, он остался в почти полной темноте, как вдруг вспышка пробежала по краю иллюминатора, резко подскочила сила тяжести, его вдавило в кресло и перехватило дыхание. Сергей замер, не в силах пошевелиться, не закрывая глаз. По челноку прошла вибрация, в его голове испуганно мелькнула мысль, что это разбалансировка реактора или столкновение с инопланетным телом, которое не увидели сенсоры. Но тут же вибрация перестала существовать, как и всё, что его окружало; момент – и всё погрузилось в темноту, а потом перед глазами появились уже другие звёзды и поверхность одного из спутников Нептуна. Сергей быстро схватил управление и машинально перевёл его на автопилот – у него перехватило дыхание. За секунду, за одну секунду он оказался в пределах Нептуна, хотя только что был в пограничной зоне Земли и Венеры!

Что касается мини зондов и прочего оборудования – при образовании туннеля оно испепелилось, исчезло. Губительная сила стёрла начисто всю технику, не защищённую защитным полем. Во время прыжка в зоне «горизонта» туннеля образовывалось огромное количество антиматерии, которая буквально разрывала всё материальное вокруг. Несмотря на катастрофические последствия для оборудования, лётчик остался жив. Квантово-реактивный прыжок признали неизбежной ступенью эволюции астронавтики.

С этого триумфального момента, Сергея именовали Гагариным, Колумбом космоса. Эта фамилия мореплавателя отчего-то цепко закрепилась за бесстрашным капитаном, и он стал Колумбом.

Начались полёты. Дальние исследования соседних систем, соседних звёзд, первый полёт в систему Центавра, первое восхищение, первое потрясение от знакомства с неземным

разумом на его же территории. До этого они могли позволить себе лишь устанавливать радио контакты или же встречать пришельцев на Луне.

Но теперь всё обстояло иначе!

Капитан Колумб быстро взлетел по лестнице почёта, стал уважаемым профессионалом. Ему доверяли самые опасные и казалось бы невозможные задания. А он любое выполнял. И теперь лицо уже не молодого космонавта украшали морщины мудрости, он предстал перед глазами товарищей человеком, прошедшим через всё, что только мог противопоставить непокорный своевольный космос маленькому кораблю. Он был расчётлив, но он был честен и безотказно бросался на помощь любому в космосе.

А сейчас он оглядывал эту миролюбивую планету и думал, что же привезёт в подарок дочери. У него была двадцатидвухлетняя дочь, учащаяся в Высшем училище космического управления (бывшем МГУ). И Сергей Павлович знал, что втайне она завидует и ему, и всем, кто летает с ним к звёздам.

– Капитан, – позвал мужчину голос, – не теряйтесь!

Колумб поднял глаза и увидел, что компания из двенадцати землян и трёх сизых представителей планеты уже довольно далеко ушла. Он почти бегом поспешил нагнать их и стал слушать.

– Нам ещё не доводилось встречать особей, общающихся звуковыми волнами, – монотонно говорил блок в его руке, – ваши устройства – мы приняли за разум.

В группе пробежался шумок, все с интересом уставились на сизых, а Таня решила спросить, как же они отправили им радио ответ.

– Мы сами сказали его, – ответил голос, – это... – он замялся, подбирая слова, – усилитель. У нас другая техника, она нас слушается.

– Фантастика! – воскликнула Татьяна. – Мой бы вычислительный блок меня слушался!

– Что такое вы назвали? – недоуменно раздалось из динамика.

– На вашей планете нет устройств, делающих за вас расчеты, звёздные курсы и вычисления переменных? – объяснился за Таню математик.

Сизые похоже не совсем поняли его вопрос, но после некоторой паузы ответили: «Мы считаем сами. Мы говорим цифрами, мы есть цифры». На этом разговор прервался. Гости решили дать передышку своей психике: мы есть цифры, они что же компьютеры? У некоторых даже появилось на мгновение желание рассмотреть под рентгеном пару особей сизых, но они тут же отбросили эту затею – раз инопланетяне так отличаются от землян, то не обязательно что в мозгу у них будут стоять примитивные чипы для обработки. Это глупость! Нужно абстрагироваться и мыслить шире.

Две недели корабль провёл на планете сизых. Они называли её Лилоа. По крайней мере так компьютер перевёл на земной язык. А по команде уже ходила шутка – сизых стали называть лилолианцами. Что это означало никто не догадывался, но звучало красиво, к тому же сами хозяева нисколько не обижались, казалось, что они вообще не умеют обижаться. Они были как монахи с Тибета: спокойные, уравновешенные, носили одежды, похожие на рясы, сделанные из какой-то полосатой ткани. У них не было волос, но черты лица и черепа настолько прекрасные и правильные, что волосы бы только мешали. Особенно чётко выделялась длинная гибкая шея, коротенькие треугольные уши.

Уже на третий день земляне привыкли к их внешнему облику и во всю расспрашивали лилолианцев об их родине: как они живут, что едят, какие социальные отношения в их обществе. Хозяева были разговорчивы, но безразлично отвечали на вопросы гостей. Почему безразлично? Они не шевелили губами, не улыбались, им не нужен был рот для общения. Но самым

главным было то, что им возможно и само общение было не нужно. Земляне стали ловить себя на мысли, что с ними общаются, только потому, что они гости и они сами этого попросили.

Но как бы то ни было, им отвечали на многие вопросы. С первого же дня лилолианцы охотно стали знакомить землян со своей техникой, объясняясь простыми словами, чтобы не возникало непонимания. Сначала они показали группе свои усилители голоса. Внешне эти штуки выглядели как прямые, наклонённые рога, обращённые в небо. На вопрос, что под блестящим неизвестным землянам сплавом, лилолианцы ответили, что сам сплав усиливает их сообщения, что они дают рогам энергию, а потом говорят.

– Это похоже на наш транзистор, – усмехнулся Виктор, – в самом сплаве сигнал усиливается, наверно они используют переменный ток или естественное электромагнитное поле. А может... Да, вполне возможно, что это как полупроводник, сплав имеет области усиления сигнала. По синусоиде или может даже спирали... Без сомнения, это всё сплав! Нам бы такой в лабораторию на пару недель.

Но на вопрос, что за сплав они используют, хозяева отвечать отказались и попросили своих гостей не пытаться узнать этого, предупредив, что на их Земле такого сплава не будет (это было сказано с оттенком какой-то неприязни в глазах, может даже такой, с какой смотрят на маленьких глупых детей). Что означал этот ответ: были ли уже лилолианцы на их планете или каким-то образом «прощупали» её на таком расстоянии – никто не понял. Пришлось подчиниться воле сизых. А они в свою очередь, чтобы совсем не обижать гостей, стали рассказывать о своих кораблях, с обычной охотой отвечая на все вопросы.

Теперь стало ясно, зачем эти оковы на «Колумбе». И надо признать, что это можно отнести к парадоксальным или остроумным случаям, если бы изобретение проходило на Земле. Скорее всего вам ни за что бы не выдали патент на такое устройство.

А сизые летали на аннигиляционном двигателе, создающим обратное гравитационное поле. Направляя поле нужным образом, лилолианцы могли отталкиваться от любой нормальной локальности: будь то планета, звезда или что-то более сильное. Они не использовали Пространство, они перемещались физическим способом, но догадка была ничуть не хуже людской. Им не нужно было судя по всему перемещаться на далёкие расстояния порядка нескольких десятков световых лет или же время не играло для лилолианцев такой роли, как для землян.

Те конструкции, которые сковали «Колумб», были стартовыми полосками, с помощью которых сизые взлетали, так как отталкиваться непосредственно от земли было невозможно из-за особенностей двигателя. Их стартовые полосы, значит, были сделаны из какого-то тугоплавкого материала, выдерживающего температуры двигателя.

Лилолианцы были искуснейшими управляющими, потому что сами говорили своему оборудованию, когда включать реактор, когда и на какую мощность работать двигателям. Металлические полоски заряжались от их кораблей и при взлёте выталкивали корабль вверх. На таких своеобразных пружинах он поднимался над землёй и мог стартовать на минимальной мощности.

Вот только откуда у сизых столько антиматерии? Нигде в округе нет источников античастиц или провалов обратного пространства. Значит они берут её из какой-то реакции. Скорее всего, потому что другие источники они бы заметили приземляясь, если только заправка кораблей не происходит где-то на другой планете.

– Как вы думаете, капитан, – деловито произнес Веня, оглядывая стреловидный корабль сизых, – это обычная ядерная реакция? Возможно они берут тяжёлый металл. Это наиболее разумно, учитывая положение их сопла. Видите, поток частиц вырывается под прямым углом к плоскости поля, думаю он встречается с материей далеко за хвостом, выносимый вихрями поля. И тут-то сила света толкает их корабль.

Стрела из идеально чёрного металла, (по блеску можно предположить, что это металл) стояла на такой же полосе, куда приземлился «Колумб». Её охватывали такие же клешни.

Корабль был настолько чёрным, что казалось, это кляксу налепили на пейзаж – так резко он выделялся. Но почему же именно чёрный? Неужели нет другого сплава?

Таня, воспользовавшись моментом, подошла совсем близко и подпрыгнула, чтобы потрогать тёмное покрытие. Она была невероятно требовательна к своему здоровью, особенно зрению, но склонна совершать подобные поступки, за что поплатилась. Девушка тут же с испугом отдернула руку – поверхность была очень горячей.

– У неё наверно абсолютный коэффициент поглощения, – пожаловалась Танечка, потирая ладони.

– Конечно! – воскликнул Веня, на радостях целуя радистку, – чёрные! Они здесь стоят и заряжаются! От солнца!..

– Значит у них очень ёмкие аккумуляторы, – фыркнула Татьяна, всё ещё дуя на ладонь. – И на ходу они значит тоже заряжаются от мезонов, радио и других видов излучения.

– Танечка, я всегда говорил тебе, что ты должна быть ядерщиком, – шутливо произнес Веня, обнимая её и торопя вслед за группой.

Город сизых оказался не менее загадочным и прекрасным, чем они сами и их планета. Те деревья по краю поляны на самом деле были полиморфные проводящие формы, обвивающие металлические и природные опоры. Лилолианцы могли общаться с формами и давать им приказы: они могли сделать перестановку в своем доме силой мысленного слова. Всё в городе двигалось, извивалось, непрерывно росло и обвивало новые металлические опоры и даже живые деревья. Это было похоже на джунгли, к которым применили фильтры кручения и размножения по всем трём осям независимо. А по ночам некоторые полиморфы светились сине-голубым холодным светом. Но полиморфы, за исключением худой растительности и синих лесов, это, похоже, всё, что здесь было.

Почти сразу земляне заметили, что на лиловой планете нет каких-то особых проявлений искусства – вместо картин были полиморфы, которые можно было извить по своему желанию, вместо музыки... невозможно представить, что было вместо музыки и всякого рода диспутов, которые так любят устраивать люди. Судя по всему они и стихов не писали, раз общались цифрами.

– А всё-таки мы куда романтичнее, – протянул Веня, сидя на синем полиморфе и качая ногой. Неожиданно тот засветился, первый пилот чуть не подпрыгнул, но быстро сориентировался и попросил, устраиваясь поудобней. – Спойте, Татьяна! Эх, жаль я не догадался захватить гитару.

Он с досадой наблюдал за закатом бледного солнца и слушал девушку. С гитарой было бы восхитительно!

Это полиморфное сплетение, стоявшее на окраине города на возвышении, с которого открывался прекрасный вид, стало любимым местом их исследовательской команды. Каждый вечер все они собирались на этом же месте и рассказывали свои предположения, делились наработками. Все с первого же дня поняли, что отведённого на экспедицию времени мало, это было так сказать знакомство с чужой флорой и фауной. Двадцать лучших специалистов только и успевали, что давать приказы младшим по званию. В таком ознакомительном режиме и прошли две недели. Биологи занимались полиморфами, немногочисленными растениями, как они их классифицировали, и птицами, так как больше никого из животных они не увидели. На вопросы сизые только отвечали, что не знают слова «птица», «животное». У них так было не принято. Зато куда больше повезло, когда учёные попросились облететь планету и посмотреть море. Такой удивительный лиловый цвет ему придавали маленькие рачки, похожие на наш планктон, но всё же крупнее. Они были размером в половину маленькой креветки и светились в темноте, отчего ночью море горело ярче, чем небо. Лилолианцы объяснили свечение, просто указав на солнце. И биологи догадались, что рачки работают, как солнечные батарейки: днём заряжаются, ночью светятся.

Маленькие рыбки были богаты фосфором и железом, они составляли чуть ли не основной рацион сизых. Для землян же на вкус оказались противными: словно ешь резину с привкусом миндаля. Впрочем вся еда на планете имела специфический вкус. Здесь все было специфическим.

– Веня, что говорят учёные? – спросила Таня у первого пилота, когда они однажды прогуливались вдоль моря. – Скоро мы домой отправимся?

Девушка уже составила приличный лилолианский словарь, её способности здесь оказались куда более востребованными, чем работа лингвистов. В отличие от пилота ей было чем заняться на планете, а Вене поуправлять ни одним видом транспорта не дали, ему разве что повезло два раза летать на капле рядом с пилотом.

– Не знаю, – пожал плечами молодой человек, – лично мне в первый же день всё ясно стало – увидел корабли и могу обратно. Эти мне грибочки, рачки, полиморфы цеплючие!..

Он подёргал ногой, освобождаясь от стебля, пошёл неторопливо дальше. Потом неожиданно спустился ещё ниже, к самой кромке воды и произнёс: «Интересно, а вода здесь как земная? Танечка, идёте купаться». И он бросился в набегающую волну с громким криком. Таня вздрогнула и с тревогой побежала вниз, боясь, что с ним произойдёт что-нибудь. Но первый пилот вынырнул, отплюнулся и крикнул, заплывая ещё дальше:

– Таня, она сладкая! Сладкая, как сироп!

После таких слов девушка всё же тоже решила искупаться – просто чтобы удостовериться, что он не сошёл с ума. Она осторожно пошла вперёд погружаясь в тяжёлую воду с каждым шагом, девушка была очень сосредоточена на том, что творится под ногами, её немного пугали цвет и консистенция. Татьяна не заметила набежавшей волны, и та смыла девушку в море; радистка с трудом выгребла на поверхность, не без помощи Вени.

Дальше от берега море было спокойнее, можно было не беспокоиться и медленно дрейфовать вдоль линии побережья. Двое землян покачивались на волнах и лениво беседовали.

– В детстве я мечтал о ванне содовой, – сладостно протянул Веня, зажмуривая глаза. – А это куда лучше содовой – я бы здесь остался.

– Глупости! – воскликнула Таня. – Зачем ты здесь нужен, ты даже язык их не сможешь выучить!

– Не даёшь помечтать, – фыркнул молодой человек. Он повернул голову и, меняясь в лице, произнёс, – наплавались! Вон, сам капитан идет. Пиши пропало! Накаркала ты, Танька, летим домой.

Действительно, со стороны города торопливо спускался Колумб. Молодые люди не заметили, но лицо его было мрачно, даже удручено. Сергей Павлович грубо крикнул ребят и стал дожидаться их на гряде.

– С-сергей Павлович, – испуганно пролепетала Таня, приглаживая сырые волосы, – случилось что-нибудь?

– Случилось, – серьёзно произнёс капитан. – У нас проблемы.

Не говоря ни слова и не дожидаясь ребят, он быстро пошёл вверх, обратно к городу. Таня непонимающе побежала следом, испуганно смотря на силуэт капитана. Расталкивая полиморфы, она выбежала на площадь, где уже собрались все учёные. Также на площади было необычно много сизых. Они молча встретили девушку парой сотен фиолетовых глаз, и то, что она прочла в них – неужели страх! Татьяна тут же бросилась к одному из младших учёных, специалисту по химическому оружию, и взволнованно спросила: «Мы же ведь не... Мы не...»

Химик быстро закрыл ей рот и покачал головой, потом очень тихо, чтобы блоки не могли перевести на язык лилолианцев, ответил:

– Капитан будет говорить, слушай. Он сам только сегодня узнал, и это планеты не касается.

Колумб вышел на середину площади проверил блок и медленно не очень громко заговорил. Все слушали с особым вниманием: и учёные, и лилолианцы.

– Мы прилетели сюда две недели, три дня назад, – начал мужчина, – как мирные исследователи, как друзья. Наша миссия заключалась в сборе анализа, общении, поиске общих путей развития. И каждый из вас знает, что жители Лилоа не имеют оружия, они не знают, что это такое. А в области космических полетов они опередили нас.

Он сделал паузу и поднял вверх руку, на которой какой-то краской были написаны числа.

– Это, – громко произнёс Сергей Павлович, – координаты системы двойных переменных звёзд, там, третья по счету, находится уникальная планета с переменным притяжением. Планета из иридия. И всё, что они создают своими руками имеет в себе иридий – это их секрет!

Сизые заметно напряглись. Они неотрывно смотрели на земного капитана, казалось пожирали его взглядом, ждали чего-то. У некоторых Таня даже прочла выражение гнева или недовольства. Эти эмоции они выражали одними глазами получше любого оратора.

А Колумб продолжил:

– Они нам доверяют, поэтому попросили помощи именно у нас. Корабль отправится по новому курсу дальше к центру Галактики. Мы не станем совершать прыжок, расстояние относительно небольшое: одна тридцатая светового года по восходящей орбите. Пока мы будем лететь, наши инженеры и астрофизики рассчитают новый курс для нового прыжка. Мы выйдем около Венеры и вернёмся домой в срок. Но!.. Есть одно обязательство, которое мы должны выполнить...

Все уже и так поняли, к чему клонит капитан, и теперь покорно ждали приговора. Сергей Павлович решил не подчиниться главному уставу земного союза – сойти с курса и оставить земное управление в неведении. Он не просто нарушал это правило: он ставил под удар команду, всю миссию, сам корабль, и, в самый последний счёт свою репутацию. И конечно же члены команды хотели знать почему.

– Мы должны спасти группу лилолианцев, застрявших там, – серьёзно ответил Колумб, – мы своего рода спасательный катер – у них отказала система запуска, мы должны её починить. Им необходимы наши лазерные установки, их корабль ещё не готов к вылету, а ситуация на планете критическая.

– Что будет, если мы откажемся? – спросил кто-то. – Они же не будут нас расстреливать, мы просто уходим в прыжок и возвращаемся на Землю!

– Если мы не сделаем этого – они умрут. Кто готов взять на себя полсотни жизней? Кто откажется и выдаст нас земному управлению по прибытии?!

Эти слова он уже говорил, стоя на капитанском мостике своего корабля. Сергей Павлович сухим, ничего не выражающим взглядом обвёл присутствующих. Все молчали. На корабле стояла гробовая тишина, люди думали: с одной стороны их душила мысль собственной низости, ведь не могли они сбежать, когда их просили о помощи; с другой – пугала абсолютно неизведанная часть космоса, они ставили под удар экспедицию.

Глава 3

Трагедия в космосе

*Мы слишком поздно слушаем нашу совесть, заглушаем честность
и мешаем состраданию.*

*А когда решаем проявить все эти чувства сразу – не думаем
о последствиях*

– Татьяна, что они говорят? – спросил Сергей Павлович, напряженно вглядываясь в рабочий экран, отражающий внешнюю обстановку вокруг «Колумба». Корабль уже несколько часов стоял в данной точке, точнее очень медленно буксировал, чтобы избежать смещения, относительно возможной орбиты (никаких намёков на существование достаточно массивного тела планетарных размеров приборы не выдавали, словно что-то экранировало излучение с её поверхности, практически любое излучение).

Как им и было велено, земляне прибыли на данные галактические координаты, но с некоторым опережением. Так как приборы отказывались фиксировать планету, приходилось ждать и тупо пялиться на тёмный провал звёздного неба, по этой же причине они не могли занять хоть сколько-нибудь удобное положение для посадки, потому что боялись попросту врезаться в планету. Сейчас корабль находился на самой высокой точке орбиты возможного спутника; расстояние до планеты можно было измерить только «физически», то есть на глаз или путём спуска какого-либо тела, имеющего оптический датчик, чтобы точно уловить момент «схода». Но бросать в пасть космическому чудовищу отважного космонавта или что-то из техники было непозволительной роскошью.

В это мгновение пришёл ответ.

– Они говорят, что планета станет осязаемой, когда сменится влияние солнц на неё. Она станет видимой, когда вторая переменная из пары жёлтых карликов возьмёт планету под свое влияние.

– И это? – нетерпеливо осведомился Колумб.

– Я не знаю, – пожал плечами девушка, – я не могу высчитать! Это интеграл, и куча переменных... Я радист, а не математик. Всё равно, что за тенью гоняться!

– Что мы и делаем, – сокрушённо произнёс капитан, который уже начал жалеть, что вообще решился помочь лилолианцам. Вдруг его осенило, и мужчина произнёс с довольной улыбкой на лице, – позовите того мальчика! Женю, он вроде математик...

– Он баллистик, – поправил персонал, тут же обращаясь за Женей (все вдруг резко вспомнили о способностях молодого человека прокладывать курс в голове, ровно как и на бумаге, учитывая влияние на него небесных тел; это был своего рода спасательный жилет от Центра, если вдруг на курсе корабля появится что-то «неприятное»), – как сказали, его специализация нестандартные звёздные курсы...

– Так что же вы раньше молчали!

Спустя пять минут вошёл Женя, высокий плечистый молодой человек лет двадцати семи, с поразительно яркими голубыми глазами. И это он-то рассчитывает в голове...

Но характер его похож был далеко не такой мягкий как внешность: он сразу же спросил, почему отрывают от работы в такой важный момент.

– Евгений, – официально обратился капитан, – вы можете рассчитать момент появления небесного тела по заданным параметрам? Мы находимся в системе двух переменных, планета судя по всему тоже проявляет признаки переменной.

– Я уже почти закончил, через час, – сухо ответил молодой человек, подавая Сергею Павловичу исписанный формулами листок. Он спокойно объяснил с расстановкой, паузы выдавали

лёгкое волнение от торжества. – Это не переменная планета, просто она, как уже говорилось, в основном состоит из иридия, что очень необычно. Эта планета меньше нашей Земли в полтора раза, должна обладать очень сильным и непостоянным магнитным полем, чтобы сохранять свою целостность при смене гравитации. Что ещё более необычно, потому что планеты этого класса при обращении вокруг своего солнца по такой орбите как эта, так близко к своей звезде просто вылетели бы прочь со своего места. Или её бы разорвало от двойного притяжения, но... похоже две аномалии, помноженные друг на друга, всё ещё удерживают дорогой кусок металла на своём месте. Планета не невидима, просто сейчас мы не испытываем её гравитации. Её также нельзя прозондировать, нельзя засечь обычными приборами, только гамма-излучением, потому что влияние двух звёзд глушит любое проявление активности со стороны планеты. Я предполагаю, что у неё радиоактивные элементы в ядре, да и не только, но это уже со слов наших квантовых физиков, я просто слышал разговор.

Он замолчал и огляделся, ожидая критики. Но все смотрели на юного баллистика с нескрываемым уважением и даже завистью: основные данные по планете находились в свободном доступе для специалистов отдела баллистики и пилотов; за неделю он сделал в голове то, что не смогли бы даже некоторые компьютеры. Всё-таки человеческий фактор – вот что спасало все земные экспедиции на просторах космоса.

– Веня! – крикнул в микрофон Сергей Павлович. – Через пятьдесят минут, тридцать секунд планета будет осязаема! Готовьте двигатели, Веня!

Он напряженно потёр лоб, вздохнул и вновь обратился к юноше: «Останьтесь здесь, ваши способности нам ещё пригодятся».

Евгений только скромно кивнул, недовольный всеобщим вниманием, и занял место подле капитана.

Напряженно тянулось время. Все понимали, что обратного пути нет – они уже нарушили главный запрет, а задача оказалась невообразимо сложной: прямо как в сказке – найти то, не знаю, что. И вот наконец протяжно завопила сирена, включили электрические двигатели, приготовились садиться; в мерах предосторожности капитан распорядился ввести аварийное положение и отключить гравитационные лифты, закрыть переборки. Но того, что произошло в следующий момент не мог предсказать никто. Физики, астрофизики, инженеры делали предварительные расчеты, высказывали гипотезы на тему обратной полярности, особого ядра и вообще мнимости самой планеты... Женя попытался объединить их, получив довольно сносную гипотезу... их защита позволяла проходить в относительной близости от «тяжёлых» объектов, источников радио и гамма излучения... капитан прекрасно отдавал себе отчёт о происходящем, все отчёты незамедлительно поступали на его экран, личный компьютер пытался смоделировать ситуацию... Но никто не ждал такого: у них стояла аннигиляционная защита, работали электрические двигатели, но блеснула узкая полоска диска загадочной планеты, и «Колумб» начало с неистовой силой тянуть вниз. Корабль даже слегка накренился на бок, в иллюминаторе показалась призрачная тёмная поверхность.

– Веня, что происходит! – крикнул в микрофон капитан, упираясь руками в перила своего мостика. – Веня, ответьте!

Через две напряженные минуты падения раздался голос первого пилота: «Сергей Павлович, мы попали под воздействие мощного магнитного поля, нас затягивает. Прикажите включить плазменные, нам надо развернуться!» Капитан тут же крикнул в энергетический отдел, чтобы возобновили подачу энергии. Но это было слабой попыткой к спасению: при таком угле наклона их слишком быстро втащит в атмосферу, где плазменные двигатели окажутся бессильны, да и запустить их так скоро не удастся.

– Так вот почему у них корабли на антиматерии, – мелькнула догадка в голове юного баллистика, – они опускаются на планету, постепенно уменьшая влияние её губительного поля! – а вслух он уже крикнул, – поднимите корабль над полюсами, мы будем садиться по косо́й,

отталкиваясь от планеты своими двигателями, постепенно! Направьте всю энергию на нижние и верньерные!

Это была первая на практике землян посадка спиной. Корабль крутился по нисходящей орбите вокруг тёмной планеты, падая на неё с включенными электрическими двигателями на полной тяге, но даже их магнитной подушки не хватало, чтобы стабилизировать его. Удалось только компенсировать вращательное движение верньерными, чтобы избежать полного штопора: для такой громадины, как Буран-7, неуправляемое падение носом вперёд было самым опасным развитием событий.

О, если бы посадку наблюдали со стороны, из Центра – всех пилотов, капитана и отдел безопасности тут же списали бы за халатность, которую они допустили. Но! Если бы они находились в этот момент на самом корабле... тут уж, думаю, вопрос встал о награде. Абсурд!

Как только они вошли в атмосферу под нужным углом, то стали тормозить своим же весом, потому что вращательное движение верньерных компенсировало отчасти притяжение. «Колумб» плюхнулся на поверхность, подняв облако пыли, которая быстро осела. Пыль была металлическая: они приземлились в каньоне, посреди пустыни из металлической пыли. Во время падения не было возможности отследить своё положение, поэтому экипаж понятия не имел, как далеко простирается подобный пейзаж вокруг. Первые пятнадцать минут пыль вообще стояла сплошняком, закрывая округу даже от приборов.

Как только всё улеглось и яркое резкое солнце взошло над поверхностью, она сразу стала реальной. Светило шаром висело почти в зените, давая резкие глубокие тени объектам; оно было очень холодным, ярким и висело на юго-востоке по земному порядку. На самом же деле где тут какие полюса никто пока не понял. Исходя из необычности расположения их должно быть не два, а четыре! Значит нельзя выходить без скафандра, хоть и есть атмосфера! Ну и по причине металлической пыли также нельзя.

Прошло больше получаса, пыль осела уже давно, пейзаж за окном не привлекал. Как только они сели, отделы быстро связались с капитаном в установленном порядке. Они приземлились более-менее удачно, связь не нарушена, двигатели в пыли, но ситуацию легко исправить продувкой. Положение энергосистемы радовало: дикая встряска никак не сказалась на работе реактора, а прочный многослойный корпус корабля полностью защищал его от воздействия поля планеты. Внешние сенсоры тоже почти не пострадали, они быстро получили информацию о внешней среде.

Как только положение стало ясным, во всех динамиках раздался голос капитана:

– Внимание экипаж, всем оставаться на местах. Опечатать энергетический отдел до взлёта и следить за состоянием автоматики. Внутри корабля безопасно, мы находимся на устойчивой платформе, вам ничто не угрожает. – он сделал короткую паузу и сверился с экранами. – Ситуация снаружи... гораздо хуже. Мы находимся в пустыне металлической пыли мышьяка и селена, один вдох убийственен! Без скафандра выход запрещён!.. Повторяю! Всем оставаться на местах, отделам провести исследования!

Он вздохнул и устало опустил в кресло, позвал к себе Евгения.

– Как нам вырваться из ловушки?

– Я тотчас же займусь этим, как только станет ясно, куда мы сели, – заверил юноша.

– Тогда ступай, – кивнул Колумб.

Корабль уже несколько часов стоял в пустыне, отражая лучи яркого солнца. Интересно, сколько ещё оно будет висеть так, и что произойдёт, когда сменится влияние двух звёзд. Для этого нужно будет как минимум рассчитать период обращения пары, потом сравнить их размеры, светимость. Что ж, если они уцелеют здесь, то бесценный, поистине бесценный

материал будет доставлен на Землю. Но, не смотря на всю его ценность, бравого капитана отстранят от должности: та же случайность, что привела его к капитанскому званию (несоблюдение устава), его и отстранит. Что ж, тем лучше, в этих экспедициях он совсем не видит дочь. Появится время заняться чем-то более важным, чем руководить такой машиной, как Буран-7 и принимать тяжёлые для себя решения. Он устал. И связано это было не сколько с возрастом, сколько с обыденностью его работы. Космос стал терять свою романтичность, свою загадку. По Солнечной системе теперь летали, как переплывали море на пароме – регулярно. А такие миссии, как эта, выдавались крайне редко. Да, он несомненно устал!

– Сергей Павлович, готовы результаты, – раздалось в динамике, и на экран капитана выплыли данные. – У этой планеты притяжение чуть больше земного, но посмотрите на показатели электромагнитного поля. Оно такой силы, что без труда расплющит железную болванку при смене влияния звёзд! И наши головы расплющит ещё проще.

– Как часто происходит смена влияния? – серьёзно спросил Колумб.

– Каждые два месяца по предварительным данным, – раздался ответ, – солнце на наш манер, то на юго-востоке, то на северо-западе. Одно, яркое – это, и второе, уже умирающее, куда более тусклое. Кажется оно уже начинает поглощаться первым, это вызывает мощные магнитные аномалии вплоть до провалов в Пространстве. Миниатюрные чёрные дыры, выбросы быстрых мезонов в больших количествах... Не представляю, как они здесь находятся, эти сизые, и как собираются улетать.

– У них двигатели на антивеществе, это не составляет труда, – сквозь зубы процедил Колумб, – но что же они сами тогда не прилетели... Капитан экипажу! Разведывательная группа во главе со мной отправится в скафандрах с повышенной магнитной защитой на разведку... Приготовить оружие! Переговорные устройства, и другие приборы, работающие на магнитном поле использовать бессмысленно, будем искать корабли вручную, – потом он дал задачу своим радистам и физикам, чтобы придумали, как заставить блоки работать в такой обстановке. Они не смогут столько времени объясняться лишь жестами.

Капитан встал, сделал круг по своему мостику, вызвал Женю, и они вместе спустились вниз, к шлюзу для выхода, где специалистами уже спешно были приготовлены костюмы и баллоны с кислородом. Спустя полчаса команда двенадцати и он, её возглавляющий, вышли наружу. Они взяли с собой и баллистика, как особо отметившегося при посадке, с целью также, чтобы он имел наглядное представление о месте, с которого придётся выводить корабль на орбиту.

Отойдя от корабля на двадцать шагов они уже стали ощущать влияние гравитации: ноги отяжелели, их скафандры не предусмотрены для этого, хорошо ещё, что магнитная защита была.

Группа пошла вперёд, петляя среди холмов пыли и непримечательных острых скал. Кажется, что от породы здесь не осталось нетронутого места. Словно гигантские черви рыли коридоры в твёрдой руде и оставляли горы отходов на поверхности, разбрасывая их случайным образом. Идти было тяжело. Спустя час утомительной ходьбы по уступам и узким расщелинкам, они выбрались на открытую площадку, откуда видно было море породы, местами перекопанной, местами с глубоко уходящими в недра каналами. Они находились в окружении пустыни, недружелюбного места, полного опасностей и провалов, маленьких долинок, усеянных острыми скалами и редких ровных площадок: как эта или та, куда они приземлились. Ситуация оказалась хуже, чем предполагал капитан, много времени уйдёт на то, чтобы перебраться через этот ад и начать поиски.

Неужели где-то здесь расположились корабли лилолианцев, добывающих драгоценный иридий. Если здесь, то точно не в поле видимости: до горизонта в обе стороны было «чисто». Действительно, только такой большой куш, как огромные залежи иридия, мог подвигнуть

на проживание в таких условиях; все сейчас старались не думать о дорогостоящем металле, а сосредоточиться на спасении. Но скорее спасти надо было их.

Над головами группы пронеслась уже знакомая капля, а за ней ещё одна. Откуда они взялись, если только что небо ещё было пусто: начало складываться впечатление, что плотность атмосферы глушит звуки, или средства сизых передвигаются бесшумно. Всем сразу же стало интересно, по какому принципу перемещаются капли здесь, если магнитное поле то и дело создаёт помехи. А пилоты тем временем круто спикировали вниз и приземлились прямо перед землянами. Так как отправить сообщение на планету извне было невозможно, они ничего не знали о гостях, а те даже не могли объяснить. Пришлось Тане, знакомой с набором, писать последовательности цифр на металлической пыли при помощи своего словаря. Лилолианцы их поняли и жестами указали на свои челноки. Поехать вызвались Веня, конечно же радистка, капитан и еще двое учёных, Женя и остальные повернули к кораблю. Подвергать их риску было опасно, а молодой человек заявил, что уже получил достаточное представление о своём космодроме – он был готов приступить к работе.

Капитан и девушка сели в предложенный транспорт. Теперь уже Таня пользовалась доской, чтобы записывать на ней последовательности. Веня в это время пытался настроить их единственный блок для приёма – на корабле завалилась старая модель в толстой свинцовой броне, первый пилот присвоил его себе, пока физики решали проблему для более современной аппаратуры. Уж неизвестно, для чего блок использовался, но сейчас он мог стать единственным средством, при помощи которого они могли объясниться.

Капли легко взмыли в воздух и быстро понеслись над поверхностью в направлении экватора. Оставшиеся члены команды проводили процессию взглядом, шурясь от резкого солнца. Женя ещё отметил, что средство передвижения похоже пользуется полем планеты, потому что капли перемещались только по особым траекториям, очень соответствовавшим возможным силовым линиям. Молодой человек поспешил обсудить это со специалистом. Это важное предположение могло облегчить их взлёт.

Тем временем капли уже пересекли пустыню, пейзаж внизу поменялся. Оказалась тёмная планета куда дружелюбнее, чем с орбиты. Она заросла необычными лесами, гор не было, единственными возвышенностями были холмы из пород падавших когда-то в больших количествах метеоритов, как сочли земляне, по этой же причине было много расщелин и впадин. Это было естественно, учитывая притяжение планеты; но они немного просчитались насчёт образования многокилометровых трещин. Если бы все были наблюдательны, как Женя, то сопоставили бы характер разломов, их протяжённость и места возникновения – это никак не могли быть метеориты. Раньше именно таким способом образовалась планета, это обусловило её иридиевое наполнение, но сейчас метеориты если и падали, то сгорали и крошились ещё в атмосфере. Будь с ними молодой человек, он бы приоткрыл ещё некоторые тайны, может даже догадался о грозящих кораблю опасностях... Вообще для судов типа Бурана, да что там – для любых судов – это было гиблое место. Как правило команда укомплектована хорошими баллистиками и пилотами, но этого было мало, чтобы взлететь, нужны были такие, как Женя, и чем больше, тем лучше.

Касательно планеты: очень странно было то, что такая большая площадь растительности не обнажала нигде истинной поверхности планеты, это был сплошной лес. Была ли вообще под ногами твёрдая почва, не ясно, как не ясно, насколько высокие заросли диковинного леса. Морей, рек или озёр земляне на своем маршруте тоже не обнаружили.

Спустя пятнадцать минут они достигли базы, которая находилась довольно близко к пустыне. Два чёрных как сам космос корабля стояли на одном из холмов и заряжались, скванные уже знакомыми полосками, но здесь на корабль их было больше. Внизу, в одной из расщелин шла добыча металла.

– А мы сильно выбиваемся из полётного графика? – осторожно спросила Таня, наблюдая с обрыва, куда их доставили, за копошением внизу.

– Если за два дня управимся, то нет, – тихо ответил первый пилот, стоящий рядом. Но сам он не верил своим словам – какое-то нехорошее предчувствие закралось в душу. Чтобы не тревожить девушку он быстро сменил тему и отдал ей в руки блок. – Я настроил на приём, спрашивай. Только по существу, я не знаю, сколько он проработает.

Девушке однако всё же передалось его волнение. Она сжала увесистый блок и направилась навстречу сизым. Капитан не отставал ни на шаг. В его лице читалась суровость и недовольство своим положением, но он хорошо умел скрывать эмоции. Но похоже, чтобы полностью сбить лилолианцев с толку, ему бы следовало не думать. Кто мог предположить, что мысли окажутся главным врагом гостей и задержат их здесь больше срока.

И действительно. Они торчали тут уже неделю. Общались. Корабли починили в первые же двое суток – в их сопла забились пыль пустой породы и каким-то образом спеклась там. Так что пришлось подрывать наросты осторожными точными ударами. Некоторые утверждали, что без вмешательства такое образование невозможно, но перевес был на стороне толерантности. Никто не пытался обвинить сизых в умышленной порче своего транспорта – просто не было причин для этого.

Лилолианцы же с особым интересом наблюдали за процессом взрыва, но не выражали желания перенять эту технологию. И, не смотря на плачевность своего положения, они не переживали, скорее наоборот чувствовали себя спасителями землян, их наставниками. Интересно, чувствовали ли себя земляне учениками? Создавалось ли у них впечатление, что неспроста послали их сизые, и послали не сразу, а тянули, словно примеривались к новой расе. У капитана даже начинало складываться предположение, что происходящие для сизых спектакль, а земляне главные действующие лица. Но он не подал виду.

Предположения отодвинула на второй план ссора. Поселение, лагерь, в котором они оказались, занимался добычей того самого иридия, так необходимого лилолианцам для полёта. Иридия здесь было очень много, просто очень... а на Земле это редкий ценный металл, который, к слову, можно было использовать при колонизации спутников. Этого не могли не заметить ведущие учёные, которым разрешено было посетить лагерь. Причём лилолианцы не ограничивали своих гостей в перемещении, они не ставили ограждений, никак не охраняли свою собственность – это буквально «развязало руки» некоторым представителям человеческой расы. Капитан же, будучи человеком исключительно благородным, бескорыстным, запретил промышлять инопланетным иридием в личных целях. Он дозволил взять только образцы для изучения.

Главный инженер, по совместительству химик, да к тому же ещё немец, Герман Миллет, был в ярости от такого приказа. Он, человек резкий во всех отношениях, не привык подчиняться приказам, когда речь шла о личной выгоде. По этой причине Сергей Павлович вообще не хотел брать Миллета на борт, но командование настояло – уж очень он был хороший специалист. И вышло его назначение всему кораблю боком.

После крупной ссоры с капитаном Миллет, дабы не попасть под арест, сбежал. Слишком громко сказано конечно: он просто ушёл и не появлялся день. Благо в этой полосе не было той мышьяковой пыли, можно было спокойно дышать без фильтра, воздух в зоне разработок был вполне приемлемый.

Послав капитана к чертям, Миллет отправился на поиски сплава. Он втайне надеялся, что сизые прямо тут сплавляют иридий или хотя бы у них есть приборы из сплава, о котором они отказались говорить на Лилоа. Если можно передавать волны на такое расстояние, да и летают лилолианцы, как уже видно, без особых затруднений, то что же будет на Земле! Он станет самым знаменитым химиком Земли! Самое главное – переиначить сплав, запутать все так, чтобы никто из членов команды не догадался, что открытие обман. Придётся конечно потянуть

с торжественным заявлением, возможно даже перевести почти всё, что он добудет на опыты, оформить соавторство с каким-нибудь сморчком для отвода глаз... Но результат, результат превзойдёт все томительные ожидания!

Занятый такими мыслями, Герман спрятал за отворот баллона скафандра небольшой кусок породы и побрёл дальше. А в голове уже звучали поздравления – он уже предвкушал жизнь где-нибудь у моря, на вилле. Немец отдалился от лагеря на значительное расстояние, он шёл вниз, поэтому ни он, ни его, не могли видеть. Местность немного изменилась, стали попадаться пещерные образования, пустоты. Где как не здесь хранить металл – внутри всё рвалось от нетерпения скорее найти желаемое. И тут Миллет набрел на то, что так искал: сизые выплавляли все примеси из породы в пещерах с низким для их роста входом, чтобы держать температуру. Похоже сами они попадали в пещеры каким-то другим путём, а этот был для отвода газов, но медлить было нельзя! Поиски другого более безопасного входа могут занять остаток дня, а у него нет времени. Герман поспешил подключить кислородный баллон, перевёл его на минимальное потребление, опустил защитный фильтр, забрало шлема и защёлкнул замки. Скафандр выдержит температуру, даже если на него выйдет струя шлачных газов, главное, чтобы они не разъели костюм, а уж температура ему не помеха. Немец встал на четвереньки и подлез под нависающий камень. Там он лёг, выждал, пока струя газов выйдет наружу и прокатился вперёд.

Он наткнулся на камень и замер. Было тихо, костюм почти не пропускал внешних звуков. В пещере оказалось темнее, чем он думал; а, это всего лишь очередная струя газов. Герман осторожно встал и прошёл вперёд. Он огляделся, под ногами было подобие огромного транспортера руды до печи. Газы выходили по отводной трубе и втягивались небольшим отверстием из-за разницы температур и давления. Весь же свет в пещере был от плавлен.

Внутри никого не обнаружилось в данный момент, и немец быстро прошмыгнул подальше от отверстия для выхода газов.

Да, здесь действительно было жарко, стояла дымка от высокой температуры. Но скафандр обеспечивал комфортную температуру тела. Герман решил посмотреть печи ближе. Он включил неяркий фонарь, чтобы не споткнуться ненароком и медленно пошёл к плавильням, оглядывая пещеру. От жары её своды и особенно потолок были оплавлены. Похоже в стенах самой пещеры содержался иридий и ещё несколько металлов, которые Миллет определил по характерному блеску. Его глаза сейчас блестели не меньше. Что за находка эта планета: жители тьюфяки, считают их неразумными детьми, поверхность, по которой идёшь, буквально устлана прибылью. Герман даже жадно облизнулся.

Пробравшись осторожно мимо чанов в самый центр к одной из больших печей (это было наверно то единственное исключение, когда полиморфы уступали место агрегатам, больше схожим с земными), Миллет вскарабкался вверх по лестнице, явно непредусмотренной под его рост, перегнулся через край плавильного агрегата и внимательно посмотрел в миниатюрное окошко. Внутри температура поднималась до двух тысяч по Кельвину, масса шлака вытекала через отводную трубку и испарялась, а куски иридия (раскалённые, но не расплавленные) скапливались с противоположной стороны в высоких ящиках из материала, похожего на прочный пластик, как тот, из которого сделана посадочная трасса. Жаропрочный, он не деформировался от нахождения в таких условиях. Там камни остывали сами до нужной температуры и застывали. От этого они были совсем разной формы и размера.

Германом овладела жадность. Он подбежал к одному из ящиков и стал сгребать руками в толстых перчатках россыпь иридия. Это были лишь маленькие осколки ценнейшего металла, и сейчас немец горько жалел лишь об одном: он не может взять больше. Образованный химик алчно хватал кусочки и прятал куда только можно было, он даже умудрился сорвать один из баллонов для дыхания, вскрыть его и наполнить крошкой иридия. Заварив баллон от жара

печей, Герман водрузил его на место, симитировав повреждение при падении. Теперь тяжесть склоняла назад его спину, но жадность была тяжелее и не позволяла упасть.

Как только не осталось больше места хоть для крошки иридия, Миллет нехотя повернул обратно к выводящему отверстию. Теперь кислорода для дыхания у него было вдвое меньше обычного, нужно было экономить его. У мужчины немного кружилась голова от сводящей с ума жадности и недостатка кислорода для дыхания. Добредя до выхода, он вдруг затравленно огляделся и испугался, что всё это время шёл с включенным фонарём, но похоже в пещере по-прежнему никого не было. Тогда Герман спешно погасил фонарь дрожащими руками, опустился на колени и покатился обратно наружу, что было сложнее, чем попасть внутрь из-за уклона. Чертыхаясь, он наконец выполз на поверхность, отшатнулся дальше от пещеры и поднял шлем. Задыхаясь от пьянящего воздуха, он судорожно перекрыл баллон и громко рассмеялся, катаясь по земле. Эмоции переполняли его, мужчина некоторое время не управлял собой.

Потом он внезапно очнулся от бреда. Уровень потребляемого кислорода нормализовался, головокружение исчезло. Миллет поднялся и пошёл назад, придавая себе по пути немного побитый вид. Металла в его баллоне было достаточно, чтобы обеспечить себе собственный быстроходный челнок для межпланетных перелётов, если он останется в Союзе и выхлопочет себе место в учёном совете, то это позволит оформить жильё и неплохой оклад. Советы сейчас в основном занимаются межзвёздными программами, причин возвращаться на родину у него не было, да и «кормят» русские лучше.

Немец незамеченным поднялся к лагерю и замаскировал вырванный баллон грязью, чтобы тот сразу не привлекал внимание. Чистить себя он также не стал. Герман знал, что сегодня же будет выслан обратно на корабль, но он только и желал этого. Миссия на таинственной планете завершилась, теперь мужчина хотел поскорее вернуться на Землю и толкнуть металл за хорошую цену.

Как он и предполагал, великий разговор перед высылкой состоялся – вечером капитан позвал к себе химика. Ссора набрала новые обороты, Герман никак не мог совладать с собой после посещения пещеры, а позиция капитана его крайне раздражала.

– Мы улетаем завтра, – сухо сказал Колумб. – Я не желаю обсуждать с тобой свои действия, я запрещаю разглашать координаты системы, запрещаю!.. Никогда не думал, что ты поставишь свои цели выше целей команды и смысла нашего полёта, Герман. Сейчас же возвращайся на «Колумб»! Тебя будет судить земной союз, ровно как и меня, но с одним отличием – тебя они будут судить за преступление.

Он сердито посмотрел на своего подчинённого и приказал одному из учёных сопроводить его вплоть до каюты, а сизым объяснил такой странный поступок плохим самочувствием инженера. Капитан больше не желал его видеть. Положение немца усугублялось ещё и обвинением, которое он дерзнул выдвинуть против капитана, несоблюдение закона, халатность... Такой наглости Сергей Павлович потерпеть не мог.

Герман в сопровождении сизых вернулся на корабль и был передан в руки экипажа. Ввиду сложившегося положения капитан вынужден был выслать его в одиночестве, все учёные были нужны в поселении. Этот случай позволил дезертиру выкрутиться перед командой на счёт внешнего вида. Единственным, кто не поверил ни единому слову немца, как ни странно, был Женя.

Миллета закрыли до выяснения обстоятельств в своей каюте, у него было время подумать. Заключение не продлится долго, предстоящий взлёт потребует, чтобы все находились на своих местах, поэтому капитан будет вынужден освободить его, чтобы в случае аварийного положения немец не был изолирован. А там, неизвестно, как дело пойдёт – возможностей перенести иридий будет предостаточно. Сейчас Герман занял свои мысли сизыми. Это же надо – упускать такой шанс! Использовать везде ценнейший металл и не предлагать его другим цивили-

лизациям. Хитрые сизые! И корабли-то их подстроены под эту планету, а судя по изрытым площадкам они тут уже давно обосновались...

Вплоть до взлёта немца держали взаперти. Капитан не удосужил его разговором, мужчине приказали просто занять своё место и следовать уставу, надеясь, что хоть на это изворотливый немец ещё способен. Всё оставшееся свободное время тот думал, как избежать суда и наказания, возможно даже высылки. Надо было хорошенько просчитать, как подавать отчёт на Земле, чтобы его не упекли в лечебницу, а произвели в богатейшие люди мира. И кажется у Германа созрел чудовищный план на этот счёт.

Взлёт состоялся в назначенное капитаном время. Он понял, что экспедиция зашла слишком далеко и перестала носить характер «мирной исследовательской». Лилолианцам ясно дали понять, что больше не намерены задерживаться ни на один день. Те испытали какое-то смутное чувство, узнав об отказе, но никак не проявили себя. Они покорно кивнули, сказали, что помогут взлететь. Но землян сизые явно отпускали с неохотой: их было слишком много, будь их меньше, лилолианцы бы точно настояли на своём.

Прошло два часа с момента взлёта. Исследовательский корабль «Колумб» покинул таинственную тёмную планету, лилолианцы сопровождали их, пока гравитация планеты не ослабла настолько, чтобы корабль класса 7 смог вырваться с орбиты. Прощание было быстрым, дружеским, они расстались с желанием вновь встретиться на Земле или на Лилоа (смутное чувство быстро исчезло, не давая никому из землян повода сомневаться, их также подталкивало вперёд некоторое облегчение от ответственности. «Скорее домой!» – ликовали все). Координаты тёмной планеты капитан велел всем забыть.

Воспользовавшись минутной передышкой в напряжённой гонке отдачи приказаний, Колумб подвёл итог своим действиям, и итог этот был неутешительным. Он был не готов к таким сюрпризам: сегодня космос выиграл.

– Ох, и напрасно же мы сюда прилетели, – сокрушённо произнес Сергей Павлович, смотря на удаляющиеся на большой скорости переменные, – ой, как зря! Польстился я на героизм, старый уже стал.

– Вы же собирались помочь им, – вступился Евгений, теперь занимавший место в центральном зале, – простите, что без разрешения, но результат очевиден!

– Ох, Женя, – тяжело вздохнул капитан, имевший привычку называть членов экипажа просто по имени, – сдаётся мне была это только уловка. Поверили они нам, захотели поделиться опытом. А мы ещё не готовы... Как когда-то были не готовы использовать термоядерную энергию, помнишь бомбы? Мы Новую Землю сделали пустынным приютом для преступников. Туда бы ни один нормальный не сунулся. Что-то мы, Женя, делаем не так... Верно мыслим. Хочется мне верить, что все эти исследования правда ради блага, что нет тут задней мысли...

– Это глупость, мы же мирные исследователи, – взбунтовался молодой человек.

– Когда к Альфа Центавра полетели, тоже были мирные, – печально улыбнулся Сергей Павлович, – а знаешь ли, что произошло? (он намекал на случайную катастрофу – утечку из охлаждающей системы радиоактивного азота – то было ещё на старых моделях)

– Так это когда было, – не согласился молодой человек, – корабли класса 7...

Но он не успел договорить, как «Колумб» трянуло. Все тут же с испугом обернулись на капитанский мостик. Из динамика раздался напряжённый голос Вени:

– Сергей Павлович, вспышка! Выброс мезонов, повышенная магнитная активность, возможно образование аномалии.

– Экраны подняты? – спросил капитан.

– Подняты, но не все, часть отказала, это странно. Сергей Павлович, надо уходить в прыжок, иначе нас снесёт с курса и затянет ещё к звёздной паре. При сильном магнитном возмущении плазменные...

– Я понял, – прервал Колумб, – старайтесь держать курс!

Он бросил взгляд на экран, потом на Евгения.

– В свой отдел, живо! Рассчитывайте новую траекторию, мне не важно, где мы выйдем из Пространства, лишь бы не на Солнце!.. Таня! Все приборы отключить. Все магнитные ленты, все приборы для записи, особенно переговорные блоки – всё изолировать! Мы не можем допустить потери информации. Работайте!

Внезапно корабль снова тряхнуло, уже сильнее. Стоящие попадали, а голос Вени как громом всех поразил.

– Экраны отказали! Мы без аннигиляционной защиты! Не сможем войти в прыжок. Капитан?!

Все нервно обернулись в сторону Сергея Павловича. Корабль оказался в самом плачевном положении: готовый спастись, уже надувший свой спасательный жилет, но так неудачно потерявший от него пробку.

– Капитан кораблю, – серьёзно заговорил Колумб, – мы лишены защиты. Мне нужны добровольцы для выхода в космос, чтобы настроить их вручную, для защиты хватит и одной трети экранов. Остальной состав, все, все без исключения! Готовиться к аварийному режиму! Как только прозвучит сирена вы должны сохранять неподвижность, и не важно, что происходит. Мне не нужно глупого пустого геройства! При дисбалансировке вещества весь корабль не соберётся обратно! – он выдержал паузу и объявил приговор. – Произвести полную герметизацию энергетического и информационного отделов... Веня?

– Да, капитан.

– Я вынужден отрезать и вас...

– Я понимаю, капитан. Так требует устав. Удачи! Держите меня в курсе.

Колумб с сожалением подтвердил команды герметизации и ввёл какие-то коды. Закончив, он резко развернулся и быстро направился к лифту. Потом по коридору до ближайшего шлюза. Радистка бежала рядом, настраивая ему связь со всеми шлюзовыми камерами и добровольцами, решившимися выйти наружу.

– Сергей Павлович, – жалобно всхлипнула Танечка, видя, как он облачается в скафандр. – Зачем? Вы же капитан!..

– Туда, – указал капитан пальцем наружу, – моя милая, я же не могу послать вас.

Не говоря больше ни слова, он провернул замок и вышел в шлюзовую камеру. Где-то с другой стороны через такие же камеры выходили ребята.

Двери закрылись, в маленький иллюминатор Таня наблюдала за его действиями.

– Танечка, – раздался в ухе голос капитана, уже более мягкий, – ты же понимаешь, что сейчас я не тот капитан, который сидит за пультом. – Он провернул кольцо внешнего шлюза и последний раз обернулся к радистке, камера начала спускать давление. – Ты должна помочь мне. Без тебя я не буду тем, кто поспекает везде и всегда. Теперь ты должна следить за исполнением моих команд, я верю, что ты справишься. И ещё... Женя всё сделает правильно, он спасёт нас. Моя роль уже не та, теперь я механическое звено, я должен, ты знаешь.

По щекам девушки покатались крупные слёзы.

– Если я... – здесь капитан запнулся. – Просто скажи Тошке что так было надо, что я не любил её меньше... Задача капитана – спасти свою команду. Она поймёт.

– Вы сами ей это скажете, сами! – закричала Татьяна, но стекло и безвоздушная камера не пропускали звуков, а связь была односторонней.

Сердце девушки томительно сжалось, и она, не в силах сдерживать себя, разрыдалась, предчувствуя беду. Вдруг в наушнике вновь раздался голос, но уже не капитана.

– Есть идея, – победно произнёс Женя. – Капитан, мы выберемся!

– Он снаружи, – гневно прошептала Таня, поднимаясь и бегом направляясь в зал.

– Что?! Он капитан, а не ремонтник! – Евгений буквально задыхался от злости. – Он не обязан!.. Он даже не предупредил меня! По причине!..

– По той же, что и меня, – произнесла девушка, сжимая кулаки и поднимаясь в зал, – мы очень важное звено. Живо в главный зал! Ты мне нужен!

Таня и представить себе не могла, что случилось бы, останься она на месте. Но она сделала так, как приказал капитан. Пусть он и находился снаружи, но он всё ещё был её капитаном.

Едва она заняла своё место и привычные струйки цифр забежали перед глазами, как в зал влетел Женя. Он подбежал к радистке, бросил на стол чип с информацией.

– Это поможет нам вырваться, – выдохнул молодой человек, тяжело вздыхая, – целая группа!.. мы только закончили!.. экранов капитана хватит.

– Отлично, загружай. Я продолжу восстановление связи.

В это время капитан и вверенная ему бригада спешно налаживали щиты. Корабль пока держался на курсе, но с каждой секундой его всё больше сносило к паре звёзд. Веня был вынужден отключить двигатели, чтобы люди смогли починить щиты. С корабля их запустить не удалось, только часть. Возможно они повредились при посадке или сейчас, во время всплеска.

– Ребята! Связь односторонняя, она может оборваться в любой момент, – сказал в микрофон капитан, укрепляясь на поверхности корабля, – ваша задача поднять щиты! Не важно, как вы заставите их работать, хоть бейте, но они должны заработать через десять минут! Живее!..

Кучка маленьких фигурок разделилась по периметру поражённой зоны и стала перетекать от одного зонтика к другому, выставляя их вручную. Корабль то и дело вздрагивал от волн заряженных мезонов и гамма потоков, от которых маленьких людей защищали скудные остатки поля и скафандры. Но каждый из них сейчас думал не о том, как бы сохранить свою жизнь, а о возможности спасти такую махину, как Буран-7 со всем экипажем на борту.

Сергей Павлович отвержено бросался от экрана к экрану. Приходилось выдергивать предохранители, чтобы заставить их работать, теперь он окончательно понял, что корабль обречён. Это будет последний прыжок «Колумба», главное совершить его. Капитан снова осознал ценность своей миссии и снова подумал, что напрасно повёлся на поводу у своей честности.

Вдруг в его динамике послышался голос первого пилота (Татьяне удалось каким-то чудом наладить обратную связь, но известия капитана не обрадовали): «Потоки усиливаются, мы угодили прямым в ловушку. Я буду выбираться, возвращайтесь на корабль». Капитан выругался про себя: он подвергал опасности людей, но он не мог приказать им вернуться, ведь без щитов погибнут все. Корабль по-прежнему бездействовал, его всё сильнее утягивало, медлить было нельзя, без двигателей они обречены. Но без экранов невозможно войти в прыжок! Вдруг в динамике раздался голос, принадлежащий начальнику энергетического отдела, Виктору, тот сообщал, что экраны подняты, их достаточно, чтобы войти в прыжок.

– Всем возвращаться на корабль! – скомандовал капитан, поворачивая к двери шлюза.

Он уже почти добрался до спасительной отметки на корпусе, как вдруг корабль тряхнуло. Что-то произошло в зоне плазменных двигателей, короткая вспышка осветила корпус корабля. Капитан спросил Веню. Молчание. Он продолжил продвигаться к шлюзу и уже схватился за клапан. Вдруг в динамике раздался голос Жени, кто-то дал ему прямой канал связи.

– Капитан, – громко заговорил юноша, – мы не выйдем! Нужно ещё два экрана поднять! Нам придется падать на ловушку и уже перед самым центром входить в состояние квантово-реактивного прыжка. Приборы связи откажут, мы будем делать это вслепую!

Сергей Павлович замер, так и не повернув рычага. Он представлял себе это не так, думал, что никогда не доведёт корабль до такого состояния. А сейчас надо действовать – Женя

не может ошибиться – кто угодно, только не он. Колумб думал не больше полминуты, потом сказал: «Я подниму».

– Капитан, – с ноткой ужаса воскликнул Женя, – нет, вернитесь... Я всё пересчитаю, мы справимся... Я использую энергию ловушки, чтобы заполнить недостающие экраны! Я смогу!.. Есть время, я...

– Я подниму. Женя... когда я стал капитаном, в той катастрофе, я тоже сказал «есть время». Но я ошибся, его всегда недостаёт. Его недостаёт даже чтобы жить. – Он медленно продвигался вверх до экранов, скользя руками по корпусу. «Колумб» явно набирал скорость, потому что продвигаться стало значительно труднее. – Это приказ. Будьте последовательным, Женя и вам повезёт больше. Конец связи.

И его приёмник заглох. Мужчина схватился руками за сложенный зонтик и с трудом удержал равновесие. Корабль шатало всё сильнее. Если бы капитан не был закреплен тросом с кольцом у шлюза, то точно бы уже улетел в открытый космос. Он судорожно открыл щиток и от волнения выпустил крышку. Взять себя в руки! Сергей выдернул предохранитель и поспешил к следующему экрану. Последний, и он ещё может побороться за свою жизнь.

В главном зале царило смятение. Евгений судорожно пытался понять, где допустил просчёт. Вокруг него собрались специалисты, работали экраны связи с энергетическим отделом. К сожалению, Буран-7 был сложным баллистическим объектом, и в такой непредсказуемой ситуации его движение нельзя было сравнивать с полетом ракеты или астероида. Сложность заключалась также в том, чтобы правильно выбрать момент для прыжка: если они опоздают, то аномалия захватит корабль и исказит счётные данные, тогда «Колумб» вовсе не сможет материализоваться на другом конце туннеля, если же поторопятся... даже одного недостающего экрана хватит, чтобы «горизонт» поглотил их. Но если бы всё упиралось только в расчёты: члены команды хотели спасти сразу двух Колумбов, что являлось абсолютно фантастической задачей.

– Мы ничего не можем, – с сожалением покачал головой Виктор, – то что мы уже сотворили, и так геройство.

Изменение Бурана-7 было слишком большим для маневренности в положении, в котором он оказался, будь корабль хоть немного легче или меньше, можно было входить в прыжок прямо сейчас. О том, чтобы лететь только на плазменных до Земли и речи быть не могло – даже три световых года напрочь убьют психику экипажа, что говорить о десяти и том факте, что топлива на полёт им не хватит, лети «Колумб» хоть порожняком.

Корабль начало всё сильнее закручивать.

– Я включаю двигатели, – раздался на приёмном блоке голос Вени, – сообщи капитану, связь снова пропала.

Татьяна всхлипнула, сжимая кулаки.

– Неужели всё зря? – спросила она, обращаясь к Жене.

– Нашёл! – вдруг заорал он, вскакивая с места. – Виктор! Здесь!! Мы должны выпустить все челноки, чтобы облегчить нашу массу, тогда экранов хватит! И ещё этот... мы можем направить поле под углом и оттолкнуться! Виктор!..

– И почему ты не преподаёшь, студенты бы были в восторге, – раздался голос начальника энергетического отдела, – сделаю. Выключайте связь.

Женя подпрыгнул к Татьяне и выхватил у неё микрофон, громко крикнув в него, чтобы сбрасывали челноки. Потом он спрыгнул вниз и побежал куда-то прочь.

– Но капитан сказал, – воскликнула радистка, пытаясь задержать его.

– Время есть! – на ходу крикнул молодой человек, выбегая из зала и чуть не падая от новой встряски. – Открой все наружные шлюзы кроме того, через который выходил капитан!

Баллистик как сумасшедший понёсся до гравитационного коридора и спрыгнул вниз. Оказавшись на уровне с шлюзовыми камерами для выхода, он оттолкнул ребят, пытавшихся вроде помешать ему и удвоил прыть. Ага, вот и закрытый, значит капитан выходил через этот шлюз; он втащит его внутрь и они вместе претерпят это испытание. Женя обернулся к камере, в которой содержались скафандры и схватился за ручку. Заперто! Аварийное положение, выход запрещён. Молодой человек выхватил оружие и засадил очередь по замку, тот оплавился, сработала сирена. Вот, сейчас его коридор герметизируют. Ну ничего, воздуха здесь хватит, пока до него доберутся. Конечно же доберутся, ведь Танечка помнит, куда он направился, а эта сирена не прекратит верещать и после прыжка, если после прыжка она ещё сможет работать.

Женя отшвырнул дверь, так что она с треском ударилась о стенку, и схватил скафандр. В этот момент по кораблю раздалось холодное предупреждение компьютера о готовности к прыжку:

– Всем оставаться на местах, готовность к прыжку десять минут!

– Они уже!.. – Женя выругался от бессилия, но всё же надежда спасти капитана не покидала его, есть ещё один путь – программа просчитывает всех и всё, что находится в пределах «Колумба».

Он отшвырнул прочь скафандр и бросился к защитному щитку, за которым находился замок для аварийного вскрытия наружного шлюза. Заперт!

– Таня, открой! – заорал молодой человек в микрофон, царапая пальцами крышку. – Черт возьми... Открой! Таня!!

Произошёл сильный толчок, его опрокинуло навзничь. Когда Женя смог подняться, он увидел болтающуюся свинцовую крышку. Он бросился к панели, чтобы замкнуть нужные контакты. Внезапно пропал свет, теперь его коридор освещался только сигнальными лампами и тревожными красными сиренами. В сумраке коридора Евгений увидел две фигуры, спешно подбегающие к нему.

– Черта с два! – воскликнул молодой человек. – Нас просчитывают последними, я открою этот люк!

Отбиваясь от подбежавших ребят, он виртуозно замкнул проводки и тут же получил в челюсть. Новый толчок. Женю отбросило к двери шлюза, он схватился пальцами за кольцо и впился глазами в тёмное пространство внешней камеры. Раздался звук затвора, который должен был открыть шлюз с приборной панели. Баллистик с трудом вдохнул, его ещё сильнее вжало в дверь, лёгкие не могли втянуть новую партию воздуха. Женя распластался по двери, сквозь темноту помутившегося сознания он тревожно ждал проворота механизма. Щелчок. И... У него всё похолодело – глухой стук проворачивающего механизма говорил о том, что дверь заклинило. Рычаг бился о какой-то инородный предмет и возвращался на своё место. Произошла разбалансировка штырей, отвечающих за кольцо, которое открывало шлюз. Это было невозможно – как будто кто-то заварил его там, в камере, кто-то вышел в шлюзовый отсек и заварил дверь! Евгений через силу повернул голову и посмотрел на панель со скафандрами – не хватало двух! Как же он сразу не заметил, ведь через этот шлюз выходил только капитан!

– Готовность к прыжку полминуты.

Чьи-то руки отшвырнули его от двери и бросили на стену.

– Нет, – разъярённо воскликнул Женя, впиваясь глазами в маленький иллюминатор. – Неет, он не может остаться там! Я столько сделал, чтобы спасти его!

Но его держали слишком сильно, к тому же корабль вновь затрясло, на этот раз это было похоже на вибрацию перед прыжком, но она была чудовищной. Баллистик ударился головой о край панели и на мгновение потерял сознание. Это наверно к лучшему, потому что он совсем

обезумел в своём желании спасти капитана: судьба явно благоволила ему больше, чем Сергею Павловичу, потому что такие выходки не шли ни в какие рамки с техникой безопасности.

А капитан отчего-то сейчас вспомнил о Тошке. Он спешил к красной отметке на корпусе, перед глазами всё мешалось. Кажется Веня включил двигатели, потому что его впечатало в корпус и потянуло вниз. «Даже не попрощался... Ты был занят? – насмеялся мозг, а перед глазами всё плыло, – твоя дочь тоже станет летать и так же, как ты погибнет, в космосе». «Замолчи!», – грозно крикнул Колумб, пытаясь совладать с дурнотой. Его боль в сердце опять нахлынула на сознание, и капитан срывающимся голосом прошептал извинения на далёкую Землю самому близкому человеку. Он поклялся, что как только ступит на твёрдую землю – навсегда откажется от полётов. Но ему уже было не суждено ступить на неё.

Веня явно зашёл на маневр, чтобы уклониться от невидимой человеческому глазу опасности, корабль развернуло, а его капитана швырнуло в сторону космоса (первый пилот выполнял приказ, который явно не хотел выполнять. Капитан по сути приказал убить себя). Сергей Павлович едва не угодил на только что созданное защитное поле, аж в голове затрещало. Вдруг ещё толчок и вновь резкий поворот. Они стали падать. Падать и крутиться, как частица крутится, попадая под влияние сильного внешнего поля. Колумба вновь прижало к корпусу, он стал медленно ползти к шлюзу. Времени почти не осталось, он догадался, что Веня отключил плазменные двигатели. Если он в ближайшую минуту не окажется внутри, то вызовет дисбаланс при прыжке, значит придется осознанно умирать.

Но вот пальцы капитана уже сомкнулись на шлюзе. Он был готов повернуть рычаг, как вдруг осознал страшную истину – замок заблокировался. Каким-то образом у шлюза отказала система, будто кто-то бросил рядом... Иридий... Чёртов иридий!

В следующий момент его искажённое горем лицо исчезло. «Колумб» завибрировал.

– Вот и всё, – пронеслось в голове капитана.

Он отпустил руки и завис в невесомости, смотря на провал образующегося туннеля. Поверхность Пространства на стыке с защитным полем засветилась.

– Умирать красиво, – сказал внутренний голос. – Тьма, потом свет... И ты основа Вселенной, ты её часть.

Глава 4

Тошка

*Стать пилотом может каждый, независимо от пола и возраста.
Главное иметь желание достичь этого и бесстрашие совершить первый полёт*

Москва, солнечное октябрьское утро, здание бывшего МГУ – ныне центр подготовки космонавтов, специалистов в области квантовой физики и теории поля, лучших астрофизиков и инженеров, баллистиков и пилотов.

Здесь училась дочь Колумба, прыткая молодая девушка с характером отца и полным отсутствием самосохранения, тоже унаследованным от отца. Она с детства мечтала стать пилотом, управлять могучими кораблями, летать к звёздам, ещё бы – такой пример как отец не мог не вдохновить амбициозную девочку. Тошка идеально закончила школу, сдала вступительные, получила даже рекомендацию из Центра Полётов (и конечно же не от отца: он-то ей поблажек не давал, капитанской девочке могли разве что отдать честь и разрешить присутствовать при старте). Но её мечта, такая близкая, всего курс в Училище и практика, вдруг стала недостижимой. Это случилось в год её выпуска, после некоторых печальных событий женщинам было запрещено поступать в отдел экспериментальных полётов, да и вообще на любую специальность, связанную с полётами. Так что девушка могла быть кем угодно: от переводчика-радииста, до специалиста по вооружению, но не лётчиком, и уж тем более капитаном.

Антония Сергеевна, так уважительно обращались к девушке, училась на специалиста по энергетике, куда пошла почти из-под палки, с завистью глядя на форму полётного класса А, идеально сидевшую на бывших одноклассниках. Смирившись с ударом судьбы, она всё же подала документы – с такими результатами её бы взяли куда угодно. Но куда ещё она могла пойти учиться, если не по стопам отца, а её отец по случаю как раз заканчивал это направление. К слову, был ещё выбор стать авиаинженером: у Тошки были неплохие способности к изобретательству, она закончила особый класс, но... подброшенная в порыве гнева монетка указала на энергетический. Собственно никем больше она стать и не могла. У неё не было особых способностей к языку, сидеть телеграфировать было скучно, ещё скучнее была должность ученого, сидящего со своими образцами. Из предложенного её интересовала, пожалуй, лишь астрономия, скорее астрофизика и математический курс по сложным векторным преобразованиям, но чисто из интереса к полётам, а этот курс можно было взять дополнительным, поэтому соседство с мини реактором девушку устраивало.

Так она стала особо выдающимся студентом ВУКУ (особо выдающимся в не самом лестном смысле): девушка просто обожала нарушать правила, а запретить ей летать в пределах Земли никто не мог, Тошка всё равно бы не послушала. Единственным настоящим авторитетом для неё был отец, который почти всё время отсутствовал в рейсах или просто был занят работой. Так что она никого не слушала и поступала, как захочется.

Антония любила летать на всем, что могло подняться в воздух, что могло хоть ненадолго оторвать её от земли. Один раз она спрыгнула с крыши башни вместе с магнитной подушкой. Совершив сорок пять оборотов, девушка зависла в метре над землёй, резко остановившись. Магнитная подушка сработала отменно, а все преподаватели, случайно наблюдавшие её выходку из окон аудиторий и внутреннего двора кажется посидели во второй раз.

– Почему сорок пять оборотов, Тошка? – спросили ребята, уже окружившие её. – Мало вато, я бы выкрутил не меньше пятидесяти.

– И валялся бы сейчас на асфальте, давясь своим завтраком, – фыркнула девушка (она всегда надменно отвечала, если её решения или действия пытались оспорить, особенно если

спор завязывался на пустом месте), – ты знаком с Васей с биофака? Нет?! Да ладно, там все знают Васю... Он пишет курсовую на тему влияния сильных магнитных полей на координацию. Настоятельно советую ознакомиться!

И очередное препирание кончилось как всегда в её пользу. Ещё никому не удавалось поставить Тошку в неловкое положение или унижить, хоть и пытались, иногда даже ради шутки – как сейчас например. У девушки было много друзей, а шутников находилось – по пальцам пересчитать.

А из-за того, что у неё было много друзей, то всегда находились те, кто вовремя подставлял спасательную подушку – давал ей совет, проверял оборудование на исправность или предлагал альтернативную замену. К концу первого курса девушка уже перезнакомилась со всеми потоками, так что теперь у неё в друзьях были и химики, и физики, и начинающие радисты, пара астрономов, вечно споривших о проблемах чёрных дыр и искривлении пространства, даже биолог, тот самый Вася. Девушка не брезговала ничьей помощью, а её изобретательский талант превращал каждую новую встречу в приключение.

Но она отнюдь не пыталась создать себе репутацию своими выходками, это было даже не желание быть наравне с мужчинами – с детства Тошка не чувствовала себя чужой в мужском коллективе, разве что только порой для одного человека. Причинами такого вызывающего поведения являлись характер, пример отца, ставшего знаменитым благодаря своему бесстрашию. Но со знаменитым капитаном отношения складывались не всегда гладко – он очень редко был отцом, и очень часто командиром. Именно из-за этого девушка с ним поссорилась в последний раз: Сергей Павлович отчитывал её за неудачные лётные испытания. Он сказал именно то, что больше всего бесило юное дарование: «Тебе всё равно никогда не быть на их месте. Полёты не для женщин!» И точка. Девушка была готова взорваться от переполнявшего её гнева и обиды. Человек, который всё это время был ей примером, растоптал её последнюю надежду, пусть и нечаянно, не желая ей зла.

В отместку Тошка больше ни разу не встретила с ним и не появилась на старте в день отлёта «Колумба» – о чём сейчас жалела. Но у неё были на это свои причины: она не знала, как посмотреть в глаза отцу, да и гордость ей не позволяла. Зато сейчас вся гордость ушла – девушка буквально часы считала до появления корабля в зоне Солнечной системы. Она больше всего на свете хотела извиниться перед отцом, услышать его шелестящий низкий голос, всегда ровный и чуть глухой через динамик.

Прошёл месяц, другой, «Колумб» уже должен был выйти на связь, выскочить где-нибудь в районе Венеры. Она хорошо знала курс, хоть отец и не говорил, как они полетят. У Антонии было много знакомых из Центра Полетов, она ещё девочкой бегала в Центр. И очень часто, ожидая отца, проводила время с лётчиками и инженерами. Они все знали столько баек, космических передышек, в которых сами побывали или лично были знакомы с виновником. А девушка надеялась, что с такими знакомыми ей может посчастливится полетать хоть ради забавы, хоть иногда, просто так.

И о миссии «Колумба» Тошка узнала почти без труда. Пришлось перебрать правда ворох бумаг с расчётами орбит планет и какими-то старыми курсами – сдавали в картотеку!

Но награда того стоила. Она даже узнала про гигантский прыжок, который совершит «Колумб». Зависть или что-то похожее зашевелилось в душе девушки: полёт, колоссальный полёт, который точно войдёт в историю, неизведанная планета, исполинский иллюминатор и целая команда в подчинении. Тошке так хотелось узнать подробности и побывать на «Колумбе» до отлёта и хоть разок на тренировке. Но как бы она ни спрашивала, Сергей Павлович ничего не говорил, он вообще почти не бывал дома, говорил, что занят... занят... занят! А потом ещё случился этот неприятный разговор. Она взбесилась, обиделась и не пришла на старт. Сказала, что заболела, на носу экзамены. Она соврала. Потом очень сильно жалела,

что соврала – два месяца ходила хмурная и только после январских каникул немного отошла, потом и вовсе перестала волноваться: всё равно целый год она ничего не сможет узнать от отца.

А когда поставленный будильник пробил в конце ноября, она резко вспомнила. Установила эту дату и это время уже давно, чтобы не пропустить первую передачу от «Колумба».

Но к удивлению девушки, её не пустили в Центр. Все её многочисленные знакомства не помогли – Тошку игнорировали, всячески скрывали любые эмоции, проходя мимо с каменным лицом. Антония видела, что без неё эти люди перешёптываются, обсуждают то, что явно не предназначено для её ушей. Но тем гаже было девушке, не привыкшей, что от неё что-то скрывают.

Томительная неделя прошла в неведении: ей ничего не говорили, преподаватели также молчали. Уж они не могли не знать – одного прямо с лекции забрали зачем-то в Центр. У всех началось веселье, а девушка думала, что с ума сойдёт, не знала куда деться. На неё волнами накатывала истерика. Казалось, что все забыли о корабле, будто он вообще не отправлялся ни в какой полет, словно его вообще не было!

Осень давно прошла, погода только усугубляла ситуацию, вдобавок ей приходилось возвращаться домой через аллею космонавтов. Всё напоминало девушке об отце. Вот по этой аллее они гуляли в детстве, и Сергей Павлович рассказывал о космосе... а здесь они запустили первую модель... памятник Гагарину, её любимый... Впоследствии это место стало любимым местом Тошки, но сейчас она ненавидела его!

Ситуация усугублялась с каждым днём. Вчера мать положили в больницу, она слегла с нервами, теперь девушка одна сидела в просторной пустой квартире с высокими потолками. В этом году что-то барахлило отопление, а дом был каменный, в пустых тёмных комнатах было холодно. Тошка без дела слонялась в толстом свитере по комнатам, перебирала вещи, пыталась заставить себя готовиться к экзаменам. Но не шло как-то. Она что-то чувствовала, какой-то необъяснимый страх или жалость – она не могла понять, как-то томительно сжималось сердце, девушка каждый день ждала звонка из Центра. А дни всё шли и шли, они медленно тянулись тяжёлой давящей вереницей с подолом из увядших листьев и давно минувших приятных воспоминаний.

Зарядил дождь, снег никак не выпадал – настроение девушки совсем упало, она чувствовала себя покинутой. Даже её друзья почти не заходили – у каждого находились свои отговорки, похоже все кроме неё умудрились найти в жизни новое увлечение взамен их старым посиделкам и красочным мечтам о космосе.

Она вдруг почувствовала себя дико одинокой без отца и его близких друзей: Вениамина, Виктора и молодой радистки. Тошка часто сидела на широком подоконнике с чашкой чая и фотокарточкой, сделанной на старый фотоаппарат. Они отмечали два года назад Рождество вместе, прямо в Центре. Её идол улыбался ей с фотографии, но от старой карточки не веяло теплом. Это воспоминание похоже только дразнило её. И если бы не котёнок, которого она подобрала во дворе на прошлой неделе, девушка точно бы свихнулась.

Антония была настолько раздосадована, что выкидывала выходку за выходкой, пытаясь отвлечь мысли от «Колумба». Вот намеренно она сильно ударила головой, испытывая новую леталку, устроила переполох на внутреннем дворе, получила выговор, пролежала весь день дома с компрессом и мурчащим комком на шее, а на утро пришла с синяком на лбу.

Злая, угрюмая, вечно скучающая на лекциях, где говорили много и не по существу, а сегодня ещё и не выспавшаяся, она сидела на последнем ряду в самом дальнем конце и кемарила, изредка поглядывая одним глазом на докладчиков. Сама она не подготовилась, попросту забыла и сейчас призрачно надеялась на спасение. Её надежды были настолько забавными, что смешили девушку и она усмехалась сквозь сон.

Вот например, может произойдёт авария в испытательном корпусе или химики смешают что-нибудь не то на контрольной – их выгонят на улицу, пока все потушат... Она уже пред-

ставляла себе лица химиков. Сквозь сон чудилось, что завопила сирена. Но монотонный разговор докладчиков и профессора продолжался, значит ничего не произошло. Девушка вздохнула и прислонилась спиной к стене, всё больше погружаясь в сон... А может её срочно вызовут по неотложному делу? Было бы замечательно. Всё что угодно, только не эта пара, она ничто так не ненавидела, как сидеть без дела.

И тут в мысли снова закрался «Колумб». Если они готовили ей сюрприз, то это плохой сюрприз. Девушка не любила загадок, особенно если они касались её отца! Тихо вскрикнув, она рывком проснулась и снова закрыла глаза, молясь, чтобы занятие скорее кончилось. Пытка была невыносимой!

В следующее мгновение в дверь сдержанно постучали: как раз перед тем, как профессор собрался объявить её фамилию. Тошка встрепенулась и заморгала глазами, шурясь от света ламп. Неужели спасена?

– Антония Сергеевна, – сухо произнёс вошедший ректор, – идите за мной.

Девушка тут же очнулась от дремоты, молча встала и в недоумении, слегка пошатываясь, пошла следом. Она лихорадочно соображала, зачем вызвал ректор. Это был пренеприятный человек, злопамятный, когда он входил, все ждали плохого. А она всю неделю вела себя отвратительно: сдавали нервы – ни одной весточки от «Колумба»! И ещё вчерашнее падение, неудачное, этот синяк выдает её. Но ведь за это не отчисляют, тем более они знают причину её странного поведения. Девушка с презрением обнаружила, что ладони стали влажными и слегка подрагивают. Она с отвращением запихнула руки в карманы, думая: «С пилотами такого не должно случаться – стыд!», и потрясла головой, чтобы избавиться от дурных мыслей. Но тут же скривилась от боли в шее. Чёртова шея затекла от неудобного сна. Всё было отвратительно!

Ректор не обращал на неё внимания и размеренно шёл вперёд. Он изредка оглядывался и кивал девушке головой, чтобы не отставала. Пройдя последний кабинет в этом ряду, мужчина свернул за угол, спустился по широкой лестнице и прошествовал к своему кабинету. Открыв дверь, он обернулся и молча пригласил её войти. Первое, что напрягло Тошку, это то, что он не вошёл сам. Ректор никому не доверял первым входить в свой кабинет. А сейчас такая перемена, но его лицо не выражало никаких эмоций, а как только Антония вошла, мужчина вообще с шумом захлопнул за ней дверь, оставшись снаружи.

Девушка напряженно дёрнулась, но взяла себя в руки и прошла к столу, за которым сидел командир полётов, Виктор Степанович, старый друг её отца, тоже герой с её фотокарточки. Сейчас он был хмур, скорее даже угрюм. Но Антония не обратила на выражение его лица никакого внимания, она сразу же спросила:

– Где «Колумб»?! Почему мне не говорят ничего, почему не пускают в Центр Полётов? Он должен был уже давно выйти на связь! У них что отказали сразу все передатчики? Или вы так шутите?!

– «Колумб» попал в магнитную ловушку во время прыжка, сейчас он на орбите Юпитера, защиты нет, двигатели пытаются запустить вручную. Из пилотов в состоянии работать только Вениамин, у них отказала автоматика наведения... Навстречу кораблю отправлен спасательный челнок и лучшие пилоты... «Колумб» не скоро прилетит домой, – Виктор Степанович выдержал тяжёлую паузу и, закрывая лицо руками, добавил, – без капитана.

Лицо девушки резко изменилось при этих словах: она широко раскрыла глаза и застыла с открытым ртом, пытаясь вдохнуть. В висках гулко стучал пульс, в голове звучало: «без капитана... без капитана...». Тошка минуты три просто стояла, смотря на командира невидящим взором – она не верила в услышанное. Девушка не издавала ни звука, глаза не выражали никаких эмоций, даже слёзы не текли по щекам. А Виктор Степанович тоже так и сидел, закрыв лицо руками. Наконец он сдавленно произнёс, и по голосу было видно, что мужчина плачет:

– Сергей Колумб вышел в космос, чтобы настроить экраны аннигиляционной защиты. Когда он уже держался за рычаг входного люка, корабль резко развернуло, и он вошёл в мощный мезонный вихрь – вся автоматика отказала. Я не знаю... у всего экипажа ужасные провалы в памяти... я не знаю, как это произошло!.. Твой отец...

– Он что остался в космосе? – тихо пролепетала Тошка, едва шевеля пересохшими губами и чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

– Он... он попал в туннель, находясь снаружи. Его... – командир больше не мог сдерживать себя, – расщепило... на кварки.

Девушка закрыла глаза и тихо всхлинула. Только теперь она полностью осознала, что ситуация безвыходная, что она даже не может попрощаться, да и прощаться то не с чем. Её отец теперь послужит материей для зарождения новой звезды.

Виктор Степанович испугался, что она упадёт в обморок (Тошку в какой-то момент действительно повело), вскочил, чтобы удержать девушку. Но она, на удивление, выровнялась, шумно задышала и отстранила его. Только ручейки слёз выдавали внутренний хаос.

– Тошенька, это не больно, – принялся утешать её мужчина, – он даже ничего не почувствовал. Просто столб света... Он не...

– Я знаю! – громко закричала она, хватаясь за голову и глубоко вдыхая, словно это был последний глоток воздуха на Земле. – Я знаю, как это происходит! Полгода назад узнала, – потом она выдержала долгую паузу, чтобы успокоиться и тихо спросила, – мама знает?

– Нет, её ещё не выписали, мы не хотим...

– Скажете ей, что мой отец погиб смертью героя!.. Что он спас всю команду, стабилизируя ядро реактора и умер... умер от выброса радиации! Быстро, без боли... скажете, что его тело доставили на Землю и похоронили. Покажете ей могилу!

– Антония Сергеевна, – командир совладал с собой и снова стал официальным, – я велю отправить вас в академический отпуск...

– Нет! – резко прервала Тошка, широко распахивая глаза и входя в какое-то лихорадочное состояние желания жить. – У меня экзамены! И ещё... я требую перевода в первую группу класса А! Я... Вы не можете мне отказать! Теперь... У меня больше ничего нет!..

Она испуганно замолчала, посмотрев на командира. То, о чём она попросила было невыполнимо, Тошка не поняла, зачем выкрикнула это. Неужто кроме отца и желания летать у неё ничего нет... неужели... Она опустила глаза, запал жизни покинул и она снова стала тенью.

– Вы хотите летать, – Виктор Степанович удивлённо посмотрел на неё, – летать на экспериментальных моделях?

– Больше всего на свете, – твёрдо ответила девушка, вновь оживая, на щеках проявился румянец, – в память об отце. Вы не можете... Ох... Разрешите идти?!

Командир ошарашенно кивнул, поражаясь её стойкости. А она машинально отдала честь по уставу, развернулась и вышла.

Дверь гулко хлопнула. Тошка быстрым шагом пошла по коридору до аудитории, не обращая внимания ни на что вокруг. Ей неожиданно стало плохо, стойкость покидала её, гнетущие сомнения сжимались клубком и душили, не давая вдохнуть. Шаги, стук собственного сердца, гнетущая тишина... Ей казалось, что если идти медленнее, то она упадёт. Всё ускоряя шаг девушка пыталась отключить голову, чтобы мысли совсем не погубили её. Но тошнота и удушье всё нарастали. Антония неуверенно спустилась по лестнице, наклоняясь вперёд, бегом, и врезалась в стену. Холодная поверхность оглушила её, девушка широко распластала руки, пытаясь удержать себя в вертикальном положении. На миг она закрыла глаза... и тут же перед ней предстал беззащитный бесстрашный капитан корабля класса 7, её отец. Он изо всех сил хватался за рычаг, вокруг была невероятная тишина, и вдруг! Оглушительный рёв пронзил её душу – тёмный провал воронки и свет. Тот яркий ослепляющий свет, с которым обычно аннигилируют пары высокоэнергетических частиц.

А потом наступила полнейшая темнота.

Антония очнулась только поздно вечером в доме профессора Эрге, того самого, что вёл у неё курс квантового поля.

– Он умер, – чуть слышно пролепетала девушка, смотря на расплывчатые черты профессора, – он умер...

– Тише, Тошенька, – ласково произнёс Георгий Павлович, кладя ей на голову холодное влажное полотенце. – Спи.

– Вы не понимаете! – в истерике закричала девушка. – Он умер! Во время квантового перехода умер... Так жарко... Хуже чем в аду!

И она без чувств упала на подушку.

На крик прибежала Маша, хорошенькая белокурая внучка профессора. На минуту замаявшись в дверях, словно стесняясь, что так громко прибежала и отвлекает, девочка осторожно открыла дверь, которая предательски скрипнула.

– Принести что-нибудь, дедушка? – тревожно спросила Маша.

– Нет, – через силу улыбнулся мужчина, – иди, спи, дорогая. Всё хорошо.

Последнюю фразу он сказал скорее себе, сжимая в своей морщинистой, изъеденной пятнами ладони, хрупкую ладонь Тошки.

– Всё хорошо... – со вздохом повторил профессор, посидел ещё минут десять и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Глава 5

Потерянные координаты

*Никогда не знаешь, что уготовила тебе судьба: иногда, спасая, она калечит, а сохраняя невредимым – убивает.
Только судьба знает, какой туз у неё в рукаве*

В пограничной зоне Солнечной системы ниже орбиты Нептуна пронеслась вибрационная волна материи. Что-то пошло не так с туннелем, информационное энергетическое поле пропахало борозду в космическом вакууме и наконец разверзлось ближе к Сатурну, едва ли не на орбите самого дальнего из его спутников. Световая волна очертила края туннеля, и «Колумб» буквально выбросило через информационный барьер, закрутило, он нескоро остановился, и то благодаря усилиям Вениамина.

Миссия завершилась с ужасающими последствиями. Самое главное конечно же то, что корабль лишился своего капитана, погибшего самой чудовищной наверно из всех смертей, но об этом ещё почти никто не догадывался. Вторым приговором была почти полная потеря материала – они попали в магнитную ловушку, почти все данные с носителей стёрлись или исказились, остались показания и записи учёных, но что они могли дать, если у многих было в лучшем случае сотрясение, в худшем обширная амнезия; а они даже не могли быстро добраться до Земли: один из плазменных двигателей оказался неисправен: у него отказала электрическая система возбуждения.

Экипаж оставлял желать лучшего: из-за влияния сильного поля у многих образовались провалы в памяти, работники энергетического отдела, вдобавок, ощутили облучение реактора, вышедшего из-под контроля, а один из пилотов потерял сознание и почти что впал в кому из-за перепада давлений и короткого промежутка в безвоздушной камере всё по причине того же давления.

Сказать, кто очнулся первым нельзя, но как только Женя открыл глаза, первой мыслью его было то, что он не спас капитана. Скрутившие его ребята лежали буквально на нём – корабль наклонило, давление вжимало в отсек со скафандрами. Молодой человек сразу ощутил резкую боль в голове, зажмурился и сморщился от невыносимого треска. Внезапно всё кончилось, давление отпустило, и он с ребятами шмякнулся на пол.

Ныла челюсть, Евгений провёл рукой по лицу – вроде ничего не сломано. Потом он дотронулся до затылка и память тут же вернулась на короткий миг. Молодой человек вспомнил, как пытался открыть шлюз, как его швырнуло к стене, он потерял сознание, была чудовищная вибрация. Женя вскочил и схватился руками за рычаг шлюза, вжавшись лицом в холодный иллюминатор.

– Капитан, – прошептал он задыхаясь. – Как мы могли допустить это! Кто?!

Он съехал на пол и почувствовал приступ тошноты. Снова что-то происходило с кораблём. Оставалось только молиться, что хоть один из пилотов остался жив, иначе они упадут на Сатурн. Баллистик осознал, что в ухе всё ещё находится гарнитура, а он в изолированном коридоре. Женя вызвал кабину первого пилота. На другом конце раздалось глухое потрескивание.

Веня сейчас изо всех сил тянул штурвал, стараясь стабилизироваться верньерными – единственным что пока на удивление исправно работало. Пытка продолжалась недолго, но всем на борту казалось, что это вечность. Первому пилоту удалось «посадить» корабль на постоянную орбиту вокруг одного из спутников, теперь опасность упасть на планету им не грозила.

На корабле воцарилась тишина, его медленно понесло по эллиптической орбите в направлении Сатурна и закрутило вниз, они сделали круг вокруг непримечательного металлического спутника, и снова в иллюминаторе показались кольца газового гиганта.

– Говорит первый пилот, – с передышками произносил Веня, вытирая кровь с виска и оглядывая разбитую панель. – Капитан?.. Автоматика отказала, мы летим обратно на ручном управлении... Капитан?!

Никто не ответил ему. Тогда мужчина взволнованно крикнул в микрофон, вспомнив что произошло до входа в прыжок: «Таня! Боже, кто-нибудь, ответьте мне... Таня!» Спустя несколько минут лёгкий дрожащий голос Татьяны раздался в кабине управления:

– Я не помню, – прошептала девушка, – я... что-то с глазами, всё плывёт. Что произошло?

– Мы провалились, – ответил Веня, понимая, что худшее ещё впереди, – мы отошли от курса. Отправь радиogramму на Землю. Мы попали в магнитную ловушку... я помню два солнца... А капитан?..

Девушка всхлинула. Вениамин понял, что произошло ужасное. Он устало опустился на панель, закрывая лицо руками. Капитан остался там.

Веня уже хотел спросить, но вдруг в наушнике раздался голос:

– Вы оставили капитана! – нервно закричал Евгений. – Включение плазменных тогда – полнейший идиотизм!! Я бы мог спасти его! А сейчас у нас ничего нет!..

– Женя? – изумлённо прошептал первый пилот, поднимая голову. – Где ты? Как?.. Капитан...

– Я пытался открыть этот чёртов шлюз!

– Ты в коридоре, там осталось мало воздуха, – воскликнул мужчина. – Эй, вытащите его кто-нибудь!.. Таня, нужно снять герметизацию, у меня не работает система вентиляции. Скорее! Я отключаюсь.

Девушка зашарила руками по панели, пытаясь встать. Картинка перед глазами расплылась, последнее, что она помнила, это вспышка. Кажется компьютер вышел из строя перед прыжком, в первое мгновение у неё перед глазами ещё стояли ряды цифр, но сейчас девушка поняла, что её панель не работает.

Она с трудом подняла голову и стянула с себя гарнитуру. Нужно срочно снять герметизацию со всех отделов. Но она не могла найти кнопку. Девушка в панике огляделась, чтобы попросить помощи, но все вокруг были в не лучшем положении. Тогда она снова вдела гарнитуру и стала спрашивать что-то. Нашёлся человек, объяснивший, как отключить запрет между уровнями. Девушка ввела комбинацию через ручную виртуальную клавиатуру, где положение знаков она знала наизусть. Потом она включила гравитационные лифты, чтобы можно было оказать помощь на других этажах. Осталось только вызвать Женю. Татьяна уже потянулась к клавишам, но тут перед глазами помутнело, и девушка упала в обморок.

Баллистику пришлось вызволять себя самостоятельно при помощи аварийного щитка, на котором оказался сварочный аппарат. Как только дверь с скрежетом отъехала в сторону, молодой человек бросился в главный зал настолько быстро, насколько позволяло ему состояние.

В изолированном коридоре был бункер с электромагнитной защитой – маленькое помещение, куда могли поместиться трое людей, как правило столько обслуживало участок коридоров, где он оказался. Если бы не потеря памяти, молодой человек точно первым делом бы кинулся туда и нашёл нечто очень интересное. Как раз в этом отсеке, обитом толстыми двухметровыми свинцовыми стенами и скрывался тот, кто воспользовался вторым скафандром, чтобы так предательски обойтись с капитаном.

Раздался громкий едкий смех: Герман закрыл глаза и громко неужёбно засмеялся, сжимая в ладонях куски металла. Под ногами валялся раскорёженный баллон из которого высыпалась

руда. Он заперся тут как только совершил свой омерзительным поступок, поэтому его память не пострадала.

Немцу нужно было вернуться на Землю не как психу и нарушителю порядка. Он долго думал, как же обойти наказание, никто кроме капитана не посмел бы обвинить его, но члены команды не подтвердили бы данных о планете, они дали слово. Так что он мог рассчитывать на свободу только в случае катастрофы. А когда отказали внешние экраны, немец понял, что это шанс. Миллет не мог сдержать восторга: случай представился лучше всего, что он планировал.

Сначала немец конечно не хотел убивать капитана, он подумывал спрятать баллон где-нибудь на корабле во время всеобщей суматохи, чтобы потом вернуться за ним. Но что-то такое случилось – ведь Герман видел, как капитан общался с Женей, как его сопровождала радистка. Он был с ними отвратительно честен! И мужчина не мог сдержать злобы от унижения, которое испытал – он решил стереть это волевое выражение с лица капитана, заставить его почувствовать то же, что чувствовал он, когда был заперт в своей камере. Только услышав объявление он бросился к тому сектору, где Сергей Павлович должен был выйти в космос.

Ненависть клокотала, и останься Таня рядом со шлюзом, может быть он убил бы и её, но девушка поспешила спасти корабль. Пока все занимались его спасением, Герман и провернул дело.

Он быстро облачился в скафандр, провернул рычаг и вышел в камеру. Тут корабль начало трясти, немец, который сначала хотел застопорить оба механизма, решил, что шкура дороже. Он взял маленький кусочек иридия и заварил его в поворотное кольцо внешнего шлюза, чтобы при попытке открыть его, штыри бы вышли из своего положения, и попасть внутрь оказалось бы невозможно. Он так торопился, что даже не решился снять скафандра и добрёл в нём до защитной камеры. Как раз в этот момент объявили готовность к прыжку, Женя был уже внизу и пытался открыть шлюз. У него бы могло получиться спасти капитана, если бы молодой человек сразу обратил внимание на отсутствие скафандра и вышел в камеру, чтобы отварить кольцо. Но, он решил, что автоматика справится быстрее, что стало роковой ошибкой.

Смерть капитана, катастрофа, потеря памяти... Герман рассчитывал таким образом сыграть ужасную трагедию и надавить на жалость Центра, а потом добить их ошеломляющими сведениями об отступлении с курса и таинственной планете. И всё получилось так, как Миллет и предполагал. Его самодовольство зашкаливало, единственным, что омрачало картину, было кручение и встряска, ощущавшаяся даже в защитной камере. Герман встревожился за своё положение – его могли заподозрить – и поспешил выйти. Как он думал, он находится в коридоре один.

Только мужчина переступил порог камеры, как попал в темноту, нарушаемую только искрящей проводкой и тревожной сиреной. Внутри у Миллета похолодело, кажется всё было куда серьёзнее, чем казалось в стенах защитной камеры. Он осторожно переступил порог и вспомнил о скафандре. Надо бы снять его, но нет возможности сделать это перед панелью. По скафандру его могут вычислить, придётся уничтожить. Немец стянул с себя латы и оплавил их из оружия, добавив сверху пламени горелки с аварийного щитка. Теперь скафандр походил на бесформенную грудку.

Смотря на эту грудку, Герман неожиданно осознал, что, настолько сильно заботясь о себе, он не придал внимания факту, что не знает наизусть координаты тёмной планеты. Он надеялся на системы корабля, но похоже даже системы здесь дали сбой. Матеря себя и чёртов корабль, немец поспешил к двери, чтобы как можно быстрее попасть в главный зал. В нём ещё теплилась надежда, что компьютеры смогли зафиксировать координаты их прыжка или последнее перемещение – хоть что-то!

В коридорах было сумрачно, сухой спёртый воздух, освещение часто мигало, пахло гарью и местами шипел где-то в стенах азот, грозя отказом системы.

Герман побледнел, когда увидел следы крови у шлюзовой камеры, громко выругался и спешно побежал на мостик: плохое предчувствие завладело им. Противный немец намеревался лишь избавиться от капитана, но сейчас выяснилось, что он мог потерять самое ценное – координаты, а может быть даже и был замечен в коридоре кем бы то ни было.

Мужчина вбежал в зал. На десяти этажах люди медленно приходили в себя, везде сновали врачи. Экраны темнели, иллюминатор показывал Сатурн.

Немец бросился было к капитанскому мостику, но тут нарвался на Женю. Так как он был почти единственным, кто вошёл в зал после Евгения, да и вид его говорил сам за себя – конечно Женя выместил всю злобу именно на нём. И, сам того не зная, оказался прав.

– Где ты был? – прошептал он, оборачиваясь к Герману и спускаясь с мостика, где врачи оказывали помощь несчастной радистке. – Те... Тебя же... не было в зале. Нет. Где ты был!

Миллет ошеломлённо замер на месте.

– Это ты!! – неистово заорал Женя, спрыгивая и подходя вплотную к немцу. – Ты убил его! Ты! Тебя же так интересовал иридий.

Он замахнулся и отвесил Герману по виску. Немец всё ещё пребывал в ошеломлении и не подумал закрыться. От удара он упал на пол. Теперь-то сознание вернулось к нему и Герман стал лихорадочно спасать свою шкуру, ссылаясь на то, что у молодого человека не в порядке с психикой.

– Ох, да, правда? – распинался Женя, захлёстываемый злобой. – Я псих? Тогда кто же ты! Ты даже не подумал о том, что у него есть дочь. Паршивый предатель!

Тут подоспели врачи и вкололи молодому человеку успокоительное. На этом разборки кончились. Миллет проводил взглядом носилки, вежливо отказался от помощи и затравлено оглядел зал. Кажется всем сейчас было настолько плохо, что многие не обратили внимания на ссору. Вокруг него были люди, реально нуждавшиеся в помощи, все они выглядели один не лучше другого. Да и мало ли – эти выкрики действительно могут счесть за бред.

Но страх разоблачения не ушёл до конца. «Он что-то помнит, – подумал Герман и холодок пробежал по спине, – но как! Он ли был в том коридоре и пытался спасти капитана? Так он же его и убил! А ведь так даже лучше... я жертва, он жертва, обвиняет меня... Центру такие заявления и самоуправство точно не понравятся».

Он понял, что возможно является единственным, кто вообще помнит о планете и эта догадка взбесила Германа. Ему захотелось разнести к чертям здесь всё – его мечта осталась по ту сторону памяти.

А всё из-за этих глупых наивных инопланетян! О, они поплатятся за это, они обязательно поплатятся! День, когда они обнаружили эту планету станет худшим днём, самой большой ошибкой в их истории!

Новая мысль согрела сердце Миллета – он уже сладостно предвкушал ужас на лицах сизых и своё царственное положение. Он желал теперь больше всего на свете ещё раз посмотреть им в глаза и прочесть в них не безразличие, а ужас. А ещё он желал презрительно посмотреть в глаза своему капитану. Как же однако жаль, что он убил его, вот жаль – так не вовремя.

Женя очнулся в одном из лазаретов на узком полимерном ложе в конце зала. Сверху нависал ионизатор, лампа несильно горела синим светом, стабилизатор положения тихо гудел, через раз мигал глазок стимулятора. Как только молодой человек открыл глаза, его мигание сменилось ровным зелёным светом. Установка с ионизатором отъехала вверх, чтобы пациент мог приподняться.

Первое, что он почувствовал – невероятная слабость, не было сил даже повернуть голову. Видимо врачи изрядно постарались.

Когда ощущения вернулись, Евгений пошевелил рукой и с облегчением обнаружил, что не привязан, значит его не сочли психом. В животе что-то сжалось, молодой человек подумал, что его сейчас стошнит, но блок показывал нормальное состояние. Женя заставил себя присесть. Он отдышался, мотнул головой и огляделся. Вокруг на нескольких койках спали люди. Через проход от него под аркой... да это же Таня! Снова замутило. Баллистик поморщился и опустил голову, опираясь на руки. О, да, ему же зарядили в челюсть перед прыжком. Молодой человек провёл рукой по месту удара – нанесли спрей, теперь часть лица онемела, а на ощупь была немного клейкой. Женя вздохнул и закинул руку на затылок – марля, и сюда добрались. Он обернулся к блоку и запросил своё состояние. Похоже никаких серьёзных травм не было, ему повезло. Молодой человек попросил себе тонизирующий укол и поднялся, чтобы подойти к ложу радистки.

Татьяна спала, установка над ней попеременно мигала, что соответствовало, насколько помнил Женя, лёгкому сотрясению и повреждению зрительных центров.

– Надеюсь есть кому отправить радиogramму на Землю, – подумал Евгений, подходя вплотную к пациентке, – иначе мы тут надолго застрянем.

Он огляделся – никого не было. Тогда Женя решил затребовать у блока состояние радистки, он очень хотел поговорить с ней. Но машина потребовала врачебный допуск, которого у молодого человека конечно же не оказалось. Пришлось довольствоваться знанием своего состояния.

Вдруг его голову пронзила мысль, отчего Женя даже чуть не упал, хватаясь за виски. Как и у всех, в его памяти были провалы, но кое-что вдруг всплыло, он хорошо это запомнил: координаты на руке капитана. Только эти координаты он запомнил каким-то невероятным образом, остальное потонуло в туннеле вместе с воспоминаниями многих.

Молодой человек опустил на свою койку, чтобы немного прийти в себя. В любой момент могли появиться врачи или кто-то из персонала – он должен был торопиться. Как только мутить перестало, Женя жадно огляделся. Координаты! Нужно чем-то записать координаты так, чтобы их не нашли! Его взгляд упал на обеззараживающий раствор, в состав которого входил йод. Баллистик сорвался с ложа, схватил пузырёк и смешал его с перекисью и проделал несложную химическую реакцию, чтобы выделить немного красящего йода. Его руки дрожали, так что часть приготовленного содержимого оказалась на полу. Опустившись следом, Женя оттянул рукав костюма и дрожащими пальцами неровно нацарапал координаты. Раствор впитался в кожу и окрасил её характерным йодным цветом. Осталось только спрятать надпись, как-то спрятать: его будут проверять, здесь не обойдёшься повязкой.

Евгений вспомнил об искусственной коже, особой клейкой массе, которой заливают рваные порезы и ранения, чтобы ускорить процесс срастания. Он тут же схватил скальпель, порезал себе руку и затребовал у блока гель. Положение было сложным, рабочих рук не хватало; а раз пациент мог обслуживать себя сам, блок уступил.

Замазав кое-как порез, Женя стал старательно маскировать координаты, проложив их предварительно тонкой прозрачной прокладкой, чтобы цифры не смешались с гелем. Если они достигнут Земли в ближайшие дни пять, то масса ещё не срастётся с рукой окончательно, он наносил заметный слой.

Вдруг раздали шаги. Женя чуть не закричал от неожиданности. Живо закрыв руку краем костюма, он неуклюже отшвырнул остатки геля на поднос и обернулся. Вошёл врач, старый друг капитана, Евгений с ним был знаком только мельком.

– Я порезался, – отрывисто произнёс он, – я просил у блока гель, чтобы закрыть рану. Я должен идти!

Врач нагнулся и поднял поднос. Бросив взгляд на блок, он удовлетворился показаниями и кивнул. Пока Женя спешно собирался, он подошёл к Татьяне и что-то ввёл на установке.

– Как она? – осторожно поинтересовался молодой человек, стоя уже у двери отсека.

– Уже лучше, – ответил врач, – у неё задеты зрительные нервы, кажется это её последний полёт. Я бы не советовал проводить повторную операцию...

– Тем лучше! – грубо прервал Евгений, ударяя по кнопке открывания двери.

– Женя, – раздалось за спиной, – капитан был моим другом. Ты не виноват в том, что произошло. Я знаю, ты сделал бы всё, даже больше.

Баллистик только презрительно фыркнул, скрываясь в коридоре. Он всё ещё отказывался верить в то, что сделал всё. Как глупо было доверяться автоматике – он должен был выйти в космос за капитаном.

Пройдя достаточное расстояние, он успокоился и попытался собраться с мыслями. Координаты записаны, надо попытаться вспомнить что-то ещё. Надо уничтожить все сведения, которые могут помочь Герману вернуться! При упоминании о немце в нём снова всё заклокотало. И как это всё вышло! Этого труса надо было до конца оставить в камере! Однако... Надо вспомнить, почему он не отправился в космос вместе с капитаном, он ведь просто баллистик. Женя потирал виски, лихорадочно соображая, что он мог упустить. Баллистик!.. Ну конечно! Капитан приказал заняться вычислениями. Вычисления... Лист со его расчётами – остался на столе капитана!

Теперь самое главное не повторить своей глупости и не наброситься на немца. Уничтожить лист сейчас важнее, месть подождёт.

Он вошёл в главный зал и ужаснулся последствиям катастрофы: зал почти опустел, те кто могли работать, пытались восстановить данные; кто-то просто сидел, смотря на иллюминатор; находились и те, кто пытался привести рабочее место в порядок. Благодаря его истерике теперь все знали, что капитан погиб – Женя неловко чувствовал себя. Стараясь не смотреть в лица людей, он прошёл вперёд, к капитанскому мостику.

Немец уже шарил там, за экраном капитана. Его лицо было напряжено и озлоблено, Миллет был уверен, что остались записи с координатами тёмной планеты. Что ж, пришло время забросить «утку», чтобы отвести от себя подозрения: кажется Герман догадывается, что он помнит, и конечно же он не забыл, кто рассчитывал посадочные координаты.

Женя, пересилив себя, подошёл к немцу. Он поспешил спрятать самодовольную усмешку, возникшую на лице при виде взбешённого Германа.

– Герман, – сказал молодой человек, ища взором лист со своими расчётами, немец обернулся и баллистик окончательно убедился, что именно он убил капитана.

Они стояли, смотря друг другу в глаза с презрительным негодованием.

– Я был не прав, – начал Евгений, надевая маску безразличия, – не имел права обвинять. В этой передрыге всем досталось. И... где бы ты ни был... уверен, ты бы не стал подвергать корабль риску, ведь ты сам находишься на нём.

По лицу Германа пробежала гримаса жалкого осознания преимущества баллистика с примешанными нотками страха. Евгений ликовал.

– Пожалуй, я оставлю наш спор здесь, – закончил он, – я не слишком сильно...

Немец презрительно отшатнулся, касаясь виска.

– Не будем продолжать это! – согласился он. – Капитан... (здесь Герман запнулся и решил уйти от неоконченной фразы) Мне следовало меньше думать о химии, я же просто хотел поэкспериментировать со сплавом на славу родины.

– Сволочь ты! – возмущённо подумал Женя, провожая его взглядом. – Нет у тебя родины!

Тут молодой человек заметил свои расчёты на полу. Он рывком поднял бумажку и спрятал под плотно прилегающим рукавом полётного костюма так, чтобы никто не видел. Оглядев стол и убедившись, что больше ничего, принадлежащего ему, на нём нет, баллистик побрёл вниз в энергетический отдел, не желая возвращаться на лазаретную койку. Следовало бы похорошему стереть свои расчёты, произведённые перед прыжком, но это невозможно. К тому же чёрные ящики сохраняют его расчёты, это поможет при расследовании причин катастрофы.

Как бы то ни было – он действительно не помнит того, что произошло после взлёта с таинственной планеты, даже допрос на детекторе подтвердит его непричастность к катастрофе. На геройские звёздочки Женя и не рассчитывал – они были ему ни к чему. Капитана он всё равно не спас, а остальной экипаж... Их спасло мастерство Вени и удачное стечение обстоятельств.

Только спустя две недели потрепанный «Колумб» вернулся на Землю в сопровождении спасательных судов. Его габариты теперь никак не определялись, поэтому усталый Вениамин ориентировался только на огоньки летевших впереди и по бокам сигнальных челноков. Как только впереди замерцала голубая поверхность родной планеты, у первого пилота вырвалось что-то, похожее на вздох, только не понятно: сожаление это было или отчаяние, но точно не радость.

Посадка была жёсткой: у них не работал один электрический двигатель, пришлось чуть ли не камнем падать на площадку космодрома. Под «Колумб» поддували мощную магнитную подушку трое судов, чтобы хоть как-то облегчить падение исполинского титана. Но всё-таки вмятину на площадке корабль оставил – это была лучшая посадка Вениамина, учитывая состояние корабля, которому противопоказано было садиться.

Как только корабль коснулся земли и убедились в его безопасности на пример радиации или иноземной заразы, то разрешили открыть шлюзы. Чтобы не афишировать катастрофы и сгладить появление долгожданного корабля, решили всё сделать, как изначально планировалось (любая секретность могла вызвать подозрение, что Советы что-то не договаривают; именно их рабочая модель класса 7 потерпела неудачу, это неплохой повод пустить пыль в глаза со страниц «жёлтой прессы»). Экипаж встречали шумной процессией, подогнали самоходные платформы. Впереди, на передвижной магнитной подушке парил начальник полётов, за чертой разметки толпились врачи, журналисты и просто люди, среди которых трепетно дрожа, стояли родственники космонавтов. Было даже странно, как это на площадку пустили столько людей. Ожидали увидеть закрытую территорию, окружение, патруль в радиационной защите.

Но инструктаж всё же был. До посадки с «Колумбом» связались и чётко объяснили, что можно говорить журналистам и родным, а чего не следует. Намекали таким тоном, что всем сразу же стало ясно, что в Центре не шутят и последствия могут быть самыми серьёзными. Русские довольно грамотно замяли дело, никто не смог перехватить канал с сообщением, а экипаж корабля хотел поскорее отделаться от любого упоминания о злосчастном полёте и был согласен практически на любые условия. Как только дали разрешение на выход, люди устремились к шлюзам, желая вдохнуть земной воздух и увидеть земное небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.